

ОДИНОЧЕСТВА НЕТ

Егор Фомин

Егор Фомин

Одиночества нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19525543

Аннотация

Спасаясь от тяжелого расставания, девушка приезжает в уютное приморское местечко. Ее ждет чудесный город и встречи настолько необычные, что с трудом верится, что происходит все в реальном мире.

Егор Фомин
Одиночества нет

Теплым осенним вечером на вокзал, выстроенный из красного кирпича, прибыл поезд. Среди его пассажиров была девушка в черных джинсах и светлом свитере. Ее звали Лена, и она приехала сюда в поисках спасения. Ей хотелось забиться в какой-нибудь угол, где можно было бы просто жалеть себя. Позавчера она собрала вещи и отправилась в город, где последний раз была много лет назад еще с родителями, и который считала самым глухим и замшелым местом из всех возможных.

Весь багаж составляла небольшая сумка на плече. Она нарочно взяла мало вещей, чтобы чувствовать себя еще более обделенной.

Серая чайка, сидевшая на краю жестяной крыши перрона, с пронзительным криком сорвалась вниз и полетела в сторону Северной гавани. Девушка вздохнула и медленно пошла к вокзалу.

Идти через здание, маленький полутемный зал полный бурной радости, чемоданов, детей и пронзительных криков, ей не хотелось. Поэтому Лена свернула в сторону, перешагнула через низенькую бетонную оградку и оказалась на Вокзальной площади. Слева белел пустыми столиками закусочный ларек, за ним вдоль улицы к автовокзалу протянулась неровная шеренга киосков. За круговой развязкой желтело ажурное здание Сафьяновского пассажа со стоянкой маршруток. Лене, привыкшей к столичной суете, площадь каза-

лась крохотной, убогой и пустой. Даже сияющая над пассажем реклама вездесущей «Балтики» выглядела непривычно блеклой. Не хватало плотного потока машин, ярких торговых павильонов, бойких теток, предлагавших пирожки, квашеную капусту и комнаты на ночь. Городок оправдывал ожидания – он выглядел застойным болотом.

Когда Лена вышла к тротуару, таксисты сначала даже не заметили потенциальную клиентку, а потом неуверенно предложили свои услуги. Она молча отмахнулась, с таксистом пришлось бы разговаривать. Пренебрегла она и возможностью сесть на маршрутку. Весь путь следовало пройти пешком, погрузиться в атмосферу замирающего города. Впрочем, город не спешил разделять ее похоронные намерения: осеннее солнце золотило кроны деревьев, а на сухом чисто выметенном асфальте не было и намека на мусор. Это было замечательный сентябрьский вечер, в который так приятно выйти из дома, прогуляться по набережной, посидеть за рюмкой «Старого замка» и перекинуться парой слов с уважаемыми соседями.

Следуя трамвайными путями, Лена вышла к бастиону Панцербург, поднялась по узкой лестнице, прорубленной в гранитных стенах бастиона, и оказалась перед Галереей, штукатуренным зданием простых геометрических форм. Обходя аккуратные кучки листьев, она прошла сквозь кольцо корпусов и, наконец, смогла посмотреть на город – свою будущую темницу.

Чуть правее у подножия бастиона, заслоняя рыночную площадь, сверкала золочеными куполами громада Никольского собора, слева краснели кровли домов Нового города, а впереди, за приземистой Круглой башней взбирался на покатуую гору Старый город. Сплошное море красных черепичных крыш и шпилей – два темных пика католического собора Архангела Михаила, шпиль Старой ратуши на вершине горы, левее сверкали Три креста, и еще купола и шпили церквей, которых Лена не знала... и над каждым домом, над каждой крышей был флюгер. Справа и слева эту картину обрамляли пространства Северной гавани и Соснового залива, только у горизонта темнели лесистые берега.

Маленький провинциальный городишко. Старые, прогнившие дома, в которых холодно летом, ужасно холодно зимой и тоскливо во время дождя. Вечные проблемы с горячей водой, отсутствие нормальных супермаркетов и ресторанов быстрого питания. Бесперспективная работа в какой-то унылой конторе.

Переулками Лена вышла на Рыночную площадь, отметив тесноту местных улочек. Да что это за город, в котором с тротуара на тротуар можно перешагнуть, на центральной «магистрале» с трудом разъедутся две «Волги», а двухполосные «проспекты» тянутся едва на пять кварталов?!

В вечерний час площадь была пустынна. Во всей красе были видны толстобочая Круглая Башня, и готическая Меховая со стилизованным под нее зданием городского рынка

напротив. Площадь, как и улицы старого города, были вымощены не аккуратненькой плиткой «под Европу», а крупными неровными булыжниками, обрекавшими на ношение обуви без каблуков.

Сзади с грохотом выкатился трамвай, повернул и остановился напротив банка. Лене показалось, что все немногочисленные пассажиры смотрят на ее одинокую фигуру на площади и думают неизвестно что. Лена поежилась и прибавила шагу, спеша куда-нибудь скрыться. Вагоновожатый захлопнул двери и, коротко звякнув, покатил к набережной.

Попав на Пасторскую площадь, девушка миновала мрачную громаду готического костела. С другой возвышалось не менее мрачное барочное здание гимназии. Здесь она отучилась восьмой класс, пока родители работали за границей. За год даже появились школьные подруги. Однако сейчас здание с облупившееся лепниной никаких сентиментальных мыслей не вызывало.

Наконец, через Крепостную улицу Лена вышла на Посольскую, и остановилась перед большим домом с эркерами и затейливыми балконами, выкрашенным красной охрой. Вот он, ее новый дом. Здесь ждала большая квартира старого вдовца, такая же пустая, как нынешняя ее жизнь. Лена немного постояла, а потом поднялась по парадному крыльцу и потянула за медное кольцо. Высокая створка тяжело повернулась, и она вошла в темный и гулкий подъезд. Уже и забылось, насколько большим был этот подъезд, все еще со-

хранивший роскошную парадную лестницу, и насколько запущенным в то же время. Исписанные и облезлые стены до половины покрыты обычной зеленой краской, выше выбелены пожелтевшей известкой. Под лестницей детские коляски, велосипеды и чьи-то лыжи. Внимательно смотря под ноги, Лена поднялась на второй этаж.

Перед порогами квартир лежали коврики, и стояла обувь. Деревянная дядина дверь даже не была обита, только покрашена красной краской. Лена еще раз вздохнула и нажала на звонок. Тот не издал ни звука. Девушка еще несколько раз нажала на кнопку, сложно было поверить, что такое простейшее устройство было способно не работать.

Наконец, пришлось постучать. Опасаясь расшибить костяшки пальцев о плотное дерево, она несильно стукнула несколько раз в самый центр двери. Звук вышел каким-то беспомощным. Не стоило ожидать, что кто-либо в глубине квартиры его услышит. Она попробовала постучать еще, на этот раз кулаком, и, наконец, несколько раз пнула дверь ногой. Открывать никто не спешил.

Лена ждала у двери, думая о том, что дяди нет дома, и ее никто не впустит. Что тогда делать? На улице стемнело, она здесь никого не знает. Перспектива остаться ночью одной в чужом городе представилась так ясно, что она вновь почувствовала на глазах предательскую влагу.

Дядя все-таки открыл. Он стоял на пороге, в теплом халате и домашних туфлях и покачивался с пятки на носок.

– О, это ты, – безучастно сообщил он. – Здравствуй, племянница.

– Добрый вечер, дядя Андрей, – поздоровалась Лена и поинтересовалась. – Вы забыли, что я приеду?

– Отчего же? – пожал он плечами, – Ты должна была приехать сегодня восьмичасовым поездом.

– Да, – кивнула Лена, все еще удивляясь, почему ее не ждали.

– Ты так часто обещала приехать...

Девушка даже фыркнула про себя. Он так настойчиво приглашал, в каждом телефонном разговоре вытягивая вежливое согласие, а теперь даже не собирается впускать ее в дом!

– Ты пешком шла?

– Да. Не хотела брать такси.

– И правильно, – кивнул дядя. – Как погода?

– Не знаю, – пожала плечами Лена, она не обратила внимания на погоду. – Дождя вроде не было.

– Несколько последних дней у нас хорошая погода стоит, – опять покивал дядя. – Как дела?

Лена уже не понимала, как себя вести дальше, кажется, этот разговор мог продолжаться довольно долго и закончиться ничем.

– Нормально. А мне можно войти?

– Конечно, – дядя улыбнулся, как будто ждал именно этого вопроса.

Он отступил назад. Лена вошла следом. Дверь закрылась, и она оказалась в темноте, только из кухни струился сумеречный свет с улицы, и из гостиной мерцал телевизор.

– Ты пока походи босиком, – попросил дядя, – завтра подберем тебе что-нибудь.

– А сегодня?

– У меня не работает свет в прихожей, – виновато ответил он. – Пошли, я покажу тебе комнату.

«Ну вот, – подумала Лена, разуваясь, – ведь собиралась взять с собой тапочки, и что помешало?»

Пол оказался на удивление чистым и не холодным. Деревянные доски приятно освежали истомившиеся в обуви ступни.

– Пойдем, – позвал дядя и пошел по коридору короткими расслабленными шагами. – Я поселю тебя в нашей старой спальне. Все равно она всегда закрыта.

Дядя был невысоким и рыхлым, можно было ожидать, что он непременно будет шаркать, но домашние туфли ступали едва слышно. Уже не удивляясь, что дядя не предложил помочь с багажом, Лена подхватила сумку и отправилась следом.

Квартира оказалась большой и темной, как и полагается жилищу пожилого холостяка. Лена шла, отмечая, как все знакомо и ново одновременно. В последний раз она была здесь подростком, и теперь все выглядело так, будто это совершенно иная квартира.

– Вот, – открыл он дверь в комнату. – Тут немного пыльно, я убрал покрывало и постелил. Сегодня переночуешь, а завтра Нина здесь уберет. Располагайся.

Дядя не стал заходить сам, пропустил Лену и тут же прикрыл дверь. Она осталась в большой полупустой комнате с недосягаемыми потолками и огромными окнами, за которыми темнели деревья. В свете фонарей была видна просторная кровать, застеленная белоснежным бельем. Ей это показалось еще более странным: он как будто не ждал ее увидеть, но уже приготовил комнату. О, а как же ужин? Ведь в дороге она так толком и не поела!

Лена оставила сумку у кровати, вышла и заглянула в гостиную. Дядя сидел на маленьком двухместном диванчике и смотрел в телевизор, время от времени перещелкивая каналы.

– Дядя Андрей! – нерешительно позвала она.

– Да, Леночка? – проговорил он, не поворачивая головы.

– Вы уже ужинали?

– Нет. Я редко ем вечером.

– А-а-а... – протянула она. – Может быть, мы поужинаем?

– Можно, – кивнул он, не отрываясь от экрана.

– Я посмотрю на кухне. У вас ведь есть что-нибудь из еды?

– Не знаю, наверное. Нина должна была что-то купить.

Посмотри сама.

– А... Нина это кто?

– Домработница. Я ее уже давно взял. Она очень помогает

мне с хозяйством.

– Хорошо, – улыбнулась Лена. – Я посмотрю.

Лена прошла к кухне, с трудом отыскала в коридоре спря-
танный за вешалкой старомодный выключатель и включи-
ла свет. Кухня произвела удручающее впечатление. С од-
ной стороны, здесь была довольно новая и дорогая техника:
и микроволновка, и посудомоечный агрегат, и кофе-маши-
на, и еще множество малопонятных устройств. Но было оче-
видно, что этим никто не пользуется. Только передняя па-
нель микроволновки была захватана пальцами, а еще холо-
дильник и чайник. Судя по всему, эти агрегаты не скучали.

Подходя к холодильнику, Лена была готова увидеть жал-
кие остатки давно испортившихся продуктов. Так, в об-
щем-то, и оказалось. Одинокая бутылка минеральной воды
на верхней полке, кусок засохшего сыра на трогательном
блюдечке с розовыми фиалками и два подгнивших помидо-
ра в отделении для овощей.

Кажется, совсем недавно, пару лет назад, она наблюдала
похожую картину. Только в холодильнике холостяка, а не
вдовца. Тогда они над этим смеялись и шутили, а сейчас ей
хотелось прекратить сдерживаться и дать волю слезам. Она
не заплакала, только попыталась проглотить застрявший ком
в горле. Сбравшись с мыслями, Лена вспомнила, что в про-
шлый раз пригодные к употреблению продукты удалось об-
наружить в морозильной камере. Так и есть! Здесь было пол-
но еды: яркие упаковки с готовыми блюдами, пельмени, рыб-

ные палочки. Даже не заглядывая в шкаф, Лена могла поспорить, что там хватает каких-нибудь кубиков «Магги», или даже «Роллтона». О, а вот это явно указывает, что он не сам пополняет закрома. Решить, что фаршированные помидоры так же просты в приготовлении, как пельмени или овощная смесь, может скорее женщина.

Поразмыслив, Лена решила остановиться на чем-то совсем простом и вытасила быстрозамороженную смесь с курицей. Подумав еще немного и оценив свое настроение, решила не жарить ее, а обойтись микроволновкой, пусть не так вкусно, зато вовсе не хлопотно.

Пискнула и остановилась микроволновая печка, объявляя, что работа выполнена. Лена поднялась, достала стеклянную посудину с едой, и поставила на стол. Воспитание требовало, чтобы на столе было еще что-то. Какая-то закуска, салаты. Что-нибудь. Однако ей не удалось найти даже хлеба. И пускай, в конце концов! Разве она должна была готовиться к своему приезду?

Позвав дядю, Лена села за стол. Войдя, тот поглядел на блюдо со смесью, две тарелки, обвел взглядом кухню.

– Пусто как-то, да? – сказал он и застенчиво улыбнулся.

Лена пожала плечами. Дядя присел и принялся накладывать еду на тарелку.

– Ты надолго приехала? – спросил он.

– Как же? Я же говорила, что хочу с вами работать! – удивилась Лена. – Вы не помните?

– Помню, – кивнул дядя.

– Вы что, не хотите?

– Хочу. Просто я думал, что ты не серьезно. Ты сначала отдохнешь или сразу?

– Не знаю, – снова пожала плечами Лена. – Наверное, лучше сразу.

Дядя перестал есть и посмотрел на нее неожиданно понимающим взглядом:

– Пожалуй, лучше сразу, – повторил он.

– Вы во сколько встаете?

– Я тебя разбужу.

– Хорошо.

Больше говорить было не о чем, и они некоторое время ели молча. Однако это молчание казалось обоим неловким. Казалось, что таким близким родственникам должно было быть, что обсудить.

– Как дела у сестры? – попытался нарушить молчание дядя, впрочем, произнес он это без особой старательности, как будто понимал, что и его собеседнице говорить не особенно хочется.

– У мамы?

Дядя кивнул.

– Все хорошо.

– Она работает?

– Да.

– Все там же? – уточнил дядя, хотя и не помнил, где его

сестра работала раньше.

– Кажется, да, – подтвердила Лена, хотя и она не помнила, меняла ли ее мать работу в последнее время.

Так они и беседовали, обсудив следом отца Лены, попробовали поговорить о работе девушки, но ничего не вышло, поскольку Лене тут же вспомнилась та самая история, которая закончилась бегством в этот старый город. Под конец попытались поговорить о погоде. Понимая, что больше тем не найдется, оба спешили доесть, чтобы не продолжать беседу. Дядя управился первым, поставил тарелку в посудомоечную машину и нажал несколько кнопок.

– Когда доешь, нажми сюда, хорошо? – спросил он.

– Ладно, – согласилась Лена. – Может быть, попьем чаю?

– Ты попей, а я пойду, посижу, – покачал головой дядя. –

Чай тут есть, найдешь.

Не дожидаясь ответа, вышел. Лена спокойно доела и поставила чайник. В шкафу нашлась пачка «Ахмада» и чистый заварочный чайник. Теперь девушка действовала легко и свободно, как будто делала это у себя дома. Поставить воду, сполоснуть кипятком заварочный чайник, залить до половины и засыпать чай. Даже сам чай она предпочитала «Оранж Пеко», как и дядя, а вот *он* почему-то все время покупал с бергамотом, который Лена терпеть не могла. Теперь залить чайник доверху, и подождать, чтобы дозаварился.

Когда девушка взяла в обе руки чашку с душистым крепким напитком, напряжение окончательно исчезло. Полутем-

ная кухня, круг желтого света от бра на стене, поблескивающий кран. Сюда стоило приехать хотя бы ради того, чтобы попить чай в одиночестве на большой пустой кухне, чтобы никто не пытался залезть с ногами в душу и утешить.

Напившись чаю и погрузив кружку в недра посудомоечной машины, Лена включила это чудо техники и покинула кухню. Теперь, видимо, полагалось подойти к дяде и продолжить вечер. Однако девушке не хотелось ни разговаривать, сидя перед телевизором, ни спать. Хотелось, чтобы ее все оставили, чтобы она никому ничего не была должна. Тем не менее, она подошла к двери гостиной и остановилась.

Телевизор не работал, зато был разожжен старый закопченный камин. Перед камином расположились два глубоких кожаных кресла и маленький низкий столик. На столике стояла бутылка «Белой Чайки» и чистая рюмка. Вторую рюмку с тягучим бесцветным ликером дядя держал в руке. Что-то сжалось внутри у Лены, когда она поняла, что пустая рюмка предназначена не для нее.

Она не знала, что этот вечерний ритуал был привычен для пожилого вдовца. Каждый вечер он разжигал камин и усаживался в кресло. Точно так же они сидели здесь вдвоем с женой, держались за руки, смотрели на огонь и разговаривали. Тогда у них не было денег, поэтому любимый ликер жены удавалось купить только время от времени, и она, совершенно счастливая, неспешно потягивала бесцветную жидкость. Для дяди этот ликер был слишком сладок, но теперь он пил

его и вспоминал жену. Он и покупал всегда только одну бутылку, точно как раньше, когда она была жива.

Всего этого Лена, конечно, не знала, за исключением только, что покойная тетя любила «Белую Чайку», и не упускала случая угостить ликером своих близких. Она не знала и не понимала смысла дядиных действий, но чувствовала гнетущее одиночество, сквозящее в каждом движении пожилого человека, словно бы кроме него никого больше не существовало. Только неверный свет пламени в камине, вялая рука с рюмкой, поскрипывание кресла, мерное тиканье огромных напольных часов, и больше ничего, старость и одиночество, мерный покой. Лене стало жутко до крика, и она прикрыла ладонью рот.

Войдя в свою новую спальню, она, не зажигая света, села на кровать. Надо было разобрать сумку, принять душ с дороги, но не было сил. Лена подтянула ноги к себе, и села, обхватив руками колени. Девушка понимала, что все повторяет и повторяет про себя один и тот же вопрос, на который нет, и не может быть ответа, но ничего не могла с собой поделать.

Словно сам собой в руках оказался мобильный телефон. Загорелся экранчик верного «Самсунга». Пройтись по социальным сетям? Но слишком много общих знакомых. Слишком велика вероятность, то что-то снова напомнит ей о нем. Может быть, все-таки позвонить? Но что она ему скажет? О чем они вообще могут сейчас говорить? Но вдруг этой ночью после долгого пути она оказалась в огромной полупу-

стой комнате, чтобы, наконец, услышать слова, которые заслуживает? Экранчик, не дождавшись решения, погас. Но Лена по-прежнему сжимала трубку в руке, словно в этом было ее спасение. Может быть, все-таки позвонить? Или написать сообщение? Вдруг аппарат зажужжал и громко заиграл «Знаешь, все еще будет». Всего месяц назад она установила эту мелодию для звонков от близких людей. Даже не взглянув на экран, Лена поднесла трубку к уху:

– Да!

– Алло! – мужской голос, но совсем не тот. – Дочка?!

– Да, папа, – почти прошептала она, тщетно надеясь, что перемена в голосе ускользнет от родителя. – Привет.

– Как ты, дочка? Как добралась? Почему ты не звонишь?

– Все нормально, папа. Нормально добралась.

– Точно нормально? У тебя что-то с голосом. Тебе не здоровится?

– Папа, у меня все хорошо. Не надо.

– Чего не надо?! Мы же волнуемся.

На эту фразу она не стала отвечать.

– Послушай. Может, все-таки, передумаешь? Поживешь у нас? Ты не думай, мы не будем к тебе приставать. Мы разве не понимаем? Дочка, в такие минуты и нужны родители. Возвращайся, мама очень скучает!

А на это отвечать уже не было сил.

– Что ты молчишь, дочка?

– Папа...

– Хорошо, я все понимаю. Мы понимаем, как ты себя чувствуешь. Ничего, не хочешь отвечать, не говори. Знаешь, ты, наверное, и правда, поживи немного... Таня, погоди... погуляй, отдохни, подыши морским воздухом. А потом приезжай. Привезешь мне «Северной Гавани». А маме конфет «Сибирова». Таня, что ты, не надо! Ну вот, мама плачет. Хочешь с ней поговорить?

– Нет.

– Да-да, конечно. Дочка, ты только не...

Лена даже сама не поняла, как получилось, что она нажала отбой. Наверное, так хотелось прекратить этот разговор, что пальцы сами выполнили ее желание.

Она положила перед собой телефон, завалилась на бок, подтянула руками колени и, наконец, заплакала. Как было бы хорошо, если сейчас, со слезами вышла вся боль и тоска! Однако соленая влага сочилась из глаз, а горечь оставалась внутри.

– Простите. Возможно, я помешал?

Голос донесся из дальней части комнаты, оттуда, где был камин. Приглядевшись, Лена заметила темный силуэт и услышала шум, как будто осыпаются и хрустят под ногами мелкие камешки.

Незнакомец выпрямился, и в тусклом свете блеснула огромная латунная пряжка ремня и два ряда желтых пуговиц.

– Это, конечно, неловко, но я услышал, что здесь кто-то

плачет, и подумал...

Лена поняла, что странное оцепенение, владевшее ею, исчезло. Это был не страх, скорее нерешительность. Трудно было собраться с мыслями и понять, как себя вести.

– Как услышал?

– Через трубу. Через каминные трубы можно раскрыть государственный заговор, чего уж стоит услышать плачущую девушку, когда весь город спит?

Лена невольно всхлипнула.

– А вы кто?

Гость сделал шаг к окну, и она увидела его в сумеречном свете: невысокий, в темном сюртуке, громоздких башмаках и цилиндре. Он был настолько весь из прошлого, что казался ненастоящим.

– Трубочист, – он смущенно пожал плечами.

– А разве сейчас они еще бывают?

– Пока есть трубы, должны быть трубочисты, – улыбнулся гость.

Он подошел к столу, задвинутому в эркер, и остановился. Когда-то, давным-давно эта большая комната с огромными окнами, эркером и камином была спальней и кабинетом дяди и его жены. Тогда дяде приходилось много работать, и он любил сидеть над бумагами и смотреть на уже спящую супругу. Теперь же стол отодвинули в эркер, и ничего не напоминало о тех временах. Гость потрогал пыльную столешницу и спросил:

– Можно я включу свет?

– Ой, нет! – попросила Лена, которой очень не хотелось, чтобы незнакомец увидел ее заплаканной.

– Всего лишь лампу на столе? Вы же должны меня разглядеть, а то так и будете бояться.

– Включайте, – подумав, согласилась девушка. – А вы что, еще долго собираетесь тут оставаться?

Трубочист щелкнул выключателем, и лампа загорелась желтым светом, очерчивая круг на столе и полу. Теперь Лена разглядела гостя яснее. На нем был старомодный двубортный сюртук, из темного бархатистого сукна, перехваченный на талии толстым кожаным ремнем с огромной латунной пряжкой. Его круглое лицо казалось простым, но во взгляде пряталась легкая ирония. Если бы не глаза и улыбка, Лена бы подумала, что он ее моложе. Гость положил цилиндр на стол и уселся в кресло спиной к эркеру.

– А ведь вам бы хотелось, чтобы все куда-нибудь делись? – он облокотился на столешницу и, чуть прищурившись, посмотрел на Лену.

– Да! – девушке не понравился этот взгляд. Показалось, что над ней смеются. Захотелось, чтобы гость исчез, и одиночество стало полным и настоящим.

– Мне кажется, вы не желаете, чтобы я уходил.

– Да? А что еще вам кажется?

– Вам хочется, чтобы кто-то был рядом.

– С чего вы взяли?

Гость покачал головой. Вздыхнул:

– Сударыня, вынужден заметить, скорее всего, вы больны, – при этом он подобрался, выпрямил спину и весь стал какой-то строгий и официальный.

Лену так и подмывало огрызнуться и заявить «сам дурак».

– Если бы я была больна, может, я бы чувствовала это?

– А вы чувствуете.

Гость кивнул и, взяв из подставки для карандашей несколько больших скрепок, откинулся на спинку стула.

– И что? Будете меня лечить? Интересно как?

– Для начала нужно поставить диагноз, – вдумчиво сообщил гость, разгибая скрепки. – На что жалуетесь?

– На идиотов!

– Хм, – покачал головой трубочист, продолжая возиться со скрепками, – вам плохо?

– Да нет, все нормально.

– Когда девушка *так* говорит, что «все нормально», это значит, что все хуже некуда. Не обманывайте. Это нехорошо, – гость посмотрел строго, но в то же время доверительно.

Затем он опустил глаза, продолжая что-то скручивать из скрепок. Лене вдруг стало легче, на нее никто не смотрел, а просто был рядом и ждал ее слов. Не имело значения, услышит он на самом деле или нет. Главное, что она выскажется, и он вряд ли потом будет смотреть на нее за завтраком, выбирая ненужные слова.

Лена ничего не стала рассказывать о том, что случилось,

и кто тому виной. Зато рассказала, как горько и грустно сейчас. За что ей эта боль и тоска? Ведь она так хотела, чтобы все было хорошо! Почему же ей сейчас так плохо? Разве она что-то сделала не так? Почему вообще все кончилось, ведь сначала было так замечательно? Почему это случилось именно с ней? За что ей это одиночество? Это чувство, которое не отпускает нигде, даже на улице среди людей, даже когда она с родителями и подругами.

Выговорившись, Лена вновь расплакалась, и теперь сидела, уткнув лицо в колени.

– Ну что ж, – проговорил незнакомец.

Девушка посмотрела на него и невольно улыбнулась. Трубочист нацепил на нос нелепые круглые очки, скрученные из скрепок, и выпрямился. В застегнутом под горло сюртуке, отчего шея казалась более тонкой и длинной, с вытянутой спиной, гость и впрямь стал похож на ученого доктора. И чем более серьезное лицо он делал, тем комичнее смотрелся.

– Что скажете, доктор? – не удержалась Лена.

– Я скажу, что вы действительно больны. И очень серьезно.

– Чем же?

– Вы больны одиночеством, сударыня.

Поддерживая игру, она даже не сразу уловила смысла слов, просто картинно взмахнула руками и сделала большие глаза:

– И чем же вы меня будете лечить? Выпишите рецепт!

«Доктор» покачал головой.

– Это очень тяжелая болезнь. Вы считаете, что вам нужен рецепт?

– Обязательно! Доктор всегда выписывает лекарство.

– Хорошо, – серьезно покивал гость, хотя за рамкой проволочных очков она разглядела шутливое веселье, – я составлю необходимую бумагу. Так...

Он посмотрел на стол, выискивая, что может пригодиться, снял верхний лист со стопки на краю, поморщился, оценив количество пыли, вытащил из-под него второй. Потом порылся в подставке для карандашей. Выудил подающую надежды ручку и долго ее расписывал. Даже высунул кончик языка от усердия. Потом поправил очки и, преисполнившись важности, принялся что-то писать. Строгий, с прямой спиной и молодым лицом с проволочными очками, он выглядел так забавно, что Лена не удержалась и хихикнула.

– Ну вот, – наконец он поставил точку, и сложил лист пополам. – Это ваш рецепт.

– Прекрасно, – улыбнулась Лена. – Могу я взглянуть?

– Конечно, нет! Ведь это документ для специалистов! Вы здесь ничего не поймете.

– Ох, – продолжая игру, взмахнула ресницами Лена. – Что же делать? Отнести его к фармацевту?

Трубочист чуть склонил голову набок и улыбнулся:

– Видите ли, сударыня, в нашем маленьком городе не так-то много народу. Так что врачу порой приходится быть и ап-

текарем. Итак, что у нас тут?

Он развернул лист и погрузился в чтение, будто видел его впервые. Даже немного шевелил губами, словно проговаривая мудреные медицинские слова.

– Хм. Печально. Ну что ж...

– Дадите мне лекарство? – поторопила девушка.

– Лекарство? Да, конечно.

Он порылся по карманам, выудил зажигалку и раньше, чем она успела что-либо сделать, поджег рецепт.

– Ой!

– Так надо, – сообщил гость. – Так всегда и делают. Просто клиентам аптек не показывают.

Он подержал горящий лист перед собой, а потом понес его к камину. Пламя тут же умерило пыл, как будто опасалось опалить пальцы.

– А как же лекарство?

– Оно уже с вами, – отмахнулся гость, поглощенный созерцанием горящего листа.

Трубочист положил обгоревший рецепт в камин и не отрывал от него взгляда, пока тот не прогорел до конца, потом тщательно перемешал пепел. Он так старательно и серьезно играл, что эта игра перестала ее развлекать.

– Почему вы... – без тени игривости нарушила Лена установившееся молчание.

– У меня есть предложение, – мягко перебил гость и снял очки, лицо его тут же приобрело прежнее простоватое выра-

жение. – Перейдем на «ты»?

Лена ответила не сразу. Немного подождала, глядя, как трубочист теревит в руках проволочные очки, как будто протирая стекла.

– Ладно, – кивнула она и продолжила, – так почему ты считаешь, что от одиночества можно вылечиться?

– Потому что одиночества нет.

Когда Лена проснулась, настроение у нее было великолепное. Окна выходили на запад, и утренний свет был мягок и приятен. Она даже выспалась, несмотря на ночные разговоры. Видимо, сказывалась свежесть здешнего воздуха и близость моря. Через открытое окно доносилось птичье чириканье. Из кухни было слышно, как хозяйствует дядя. Неплохое утро, в самый раз, чтобы начать новую жизнь, которую она сама выбрала.

Лена потянулась всем телом, а потом решительно встала с кровати. Теперь она, а не кто-то другой будет определять ее жизнь. Настроение было столь хорошим, что даже перспектива умываться водой из водонагревателя не пугала. Словно проникшись оказанным доверием, газовая колонка, и впрямь обеспечила достойный напор горячей воды. Лена расчесала длинные волосы и осталась довольна своим внешним видом. Умывание завершило превращение в нового человека, не отягощенного болью в прошлом, словно и не было грустной вчерашней прогулки по городу. Натянув брюки и

легкий свитер, Лена вышла на кухню. Дядя как раз сливал воду из кастрюльки.

– Проснулась? – не оглядываясь, спросил он.

– Да. Нам уже скоро выходить?

Дядя пожал плечами:

– Обычно выхожу минут через двадцать.

Лена взглянула на часы. Полвосьмого. Видимо, контора открывается в восемь. Могло быть и хуже.

– А почему вы меня не разбудили?

– Подумал, пускай девочка в первый день поспит. Будешь завтракать?

– Смотря чем, – улыbnулась Лена.

– Пельмени, – ответил дядя, заглянул под крышку и про-
бормотал. – Зачем я сливал воду?

Лена хихикнула:

– Не знаю. Нет, наверное. Не люблю плотно завтракать. А у вас есть что-нибудь еще?

Дядя опять пожал плечами, покосился на холодильник. Лена тут же вспомнила засохший сыр и отмахнулась:

– Не надо. Попью чаю. Я видела у вас в шкафу печенье.

Дядя положил на тарелку несколько пельменей и с сомнением проговорил:

– Кажется, да... только оно там лежит больше месяца.

– Ну и что! – отмахнулась Лена.

– Как знаешь, – кивнул дядя и включил чайник, даже не проверяя, есть ли там вода.

Он сел за стол, посыпал пельмени перцем и принялся есть. Они не разговаривали, но теперь Лене это не трогало так, как вчера. Наоборот, холостяцкие привычки дяди забавляли. Как странно, а ведь вчера она и представить не могла, что проснется с таким настроением. Особенно когда трубочист заявил, что «одиночества нет». Тогда у нее все сжалось внутри и стало ужасно неприятно.

– Как это? – спросила она.

– Нет и все.

– Кому как, – Лена пожала плечами и подумала, что каждый имеет право на свою точку зрения.

– Всем именно так, – вновь улыбнулся гость.

– Должно быть, мы говорим о разных вещах.

– Вряд ли. Конечно, одиночество у каждого свое, однако каждый использует именно это слово. Редкое единодушие.

– И каждый думает про других: «Да что вы знаете про одиночество?!»

– Да, – кивнул он. – А на самом деле его нет.

– Да что вы знаете про одиночество? – с грустной улыбкой спросила Лена.

– Я знаю главное – его нет. Одиночество – выдумка, наваждение. Это как дурной сон, который преследует нас наяву. Одиночество это поводок, на котором держат людей, чтобы они не разбежались.

Эти слова вызывали в ней странное двойственное чувство. С одной стороны, хотелось верить этому сильному, но

мягкому голосу, а с другой за громкими патетическими сравнениями и метафорами ей чудилась пустота.

– С самого детства нас пугают одиночеством, чтобы мы спешили скорей присосаться к другим людям. А на самом-то деле человек никогда не бывает совсем один.

– Как это? – вновь спросила Лена. – Вот пока ты не пришел, я была одна.

Он заглянул в ее глаза и произнес:

– Даже когда в комнате никого нет, всегда есть ты сама.

– Чушь какая-то!

– Есть твои мысли, твои чувства. Ты всегда наполняешь мир своими размышлениями и эмоциями, Мир, который ты видишь, в значительной мере отражение тебя самой. А значит и в пустой комнате рядом с тобой всегда есть ты сама.

– Но это же совсем другое! – возмутилась девушка, сложные фразы показались ей каким-то казуистическим издевательством.

– Нисколько. Просто ты пока не понимаешь.

Они с дядей вышли из дома на встретившую их утренней прохладой и шелестом листьев улицу. Лена поглядела через сочную зелень клена на высокое голубое небо, подмигнула толстой чайке, деловито вышагивающей по газончику у корней дерева, и направилась следом.

Дядя шел неспешно и мягко ступая в полшага. Точно так же он ходил на работу и вчера, и позавчера. Он изредка ки-

вал или приветствовал взмахом руки знакомых. Ступая за дядей, девушка разглядывала горожан: дворников, отмывающих тротуары, людей из соседних домов, и служащих биржи, которые торопились к огромным дверям меж ложных колонн. Но даже поспешность последних не нарушала общей атмосферы маленького старого города. Ей даже казалось, что биржевые брокеры одеты в сюртуки и цилиндры вместо современных костюмов, а в руках у них не дипломаты, а кожаные саквояжи. Даже старенькие «Жигули» вперемешку с «Фольксвагенами» на стоянке перед зданием не нарушали этого ощущения.

Вспомнился смешной вид трубочиста, который носил как раз такой сюртук с цилиндром. Сейчас ночной визит казался нереальным. Словно он привиделся, или она его выдумала. Слова гостя уже не казались такими назойливыми и жесткими, а скорее просто чудными. В сущности, было неважно, что именно он пытался объяснить.

Лена вспомнила, что он положил очки из скрепок на угол стола, а она утром так и не посмотрела, остались ли они там. Вечером надо обязательно проверить, вдруг и впрямь все привиделось.

По Крепостной они пошли в сторону площади Каменных ворот. Здесь людей было заметно больше. По всей улице открывались лавочки и магазинчики. Хозяева чистили тротуары перед своими витринами, протирали стекла. Кто-то раскладывал на лотках товар. Дядя здоровался с некоторыми из

торговцев, они приветствовали его в ответ, стараясь кивнуть и Лене. Изредка по улице пробегали собаки, спеша по каким-то своим делам, и на них никто не обращал внимания. Мелкий кудлатый пес подошел к прилавку с книгами, поднял нос, покрутил им над лотком, а потом спокойно направился дальше. Как будто он поинтересовался, нет ли в наличии нужной книги.

Девушка вдруг пожалела, что идет на работу, вместо того, чтобы просто прогуляться, сходить на набережную, покормить чаек, пройти по тенистому Монастырскому бульвару и постоять на его кованых мостиках. Прокатиться на трамвае, в конце концов. Дядя, словно почувствовав ее настроение, остановился и оглянулся.

– Я здесь, все в порядке, – поспешно сказала Лена.

– Почти пришли, – сказал дядя и свернул налево в подворотню.

За низкой аркой обнаружился просторный обсаженный липами двор с большой клумбой. Дядя вошел в дверь под неброской табличкой из нержавеющей стали с надписью: «ООО «Агентство Шепелева»».

Лена не удивилась бы, обнаружив за дверью тесную заваленную бумагами контору с фанерной мебелью и обязательным стуком печатной машинки. Однако на этот раз ожидания ее обманули. Помещение «Агентства» оказалось вполне достойным новомодного офисного центра из стекла и бетона. Комнаты были действительно небольшими, но все

остальное... Современная мебель, столы с жидкокристаллическими мониторами, прозрачные дверки шкафов с корешками толстых архивных папок, ковровин под ногами, кресла на колесах. Как будто Лена никуда не уезжала.

Они прошли через небольшую приемную с мягкими диванчиками и столом секретаря, миловидной пожилой женщины, крашеной в блондинку. Увидев дядю, она подняла голову и с мелодичной неспешностью проговорила:

- Доброе утро, Андрей Алексеевич, – и кивнула Лене
- Здравствуй, – бросил на ходу дядя и прошел дальше.
- Здравсьте, – сказала девушка и прошла следом.

Дальше была небольшая комната с несколькими столами. Сейчас занято было только два из них. За ближним к двери сидел мужчина лет тридцати в сером костюме, его волосы выглядели аккуратно, но Лене показалось, что это домашняя стрижка. А в дальнем правом углу, отгороженном стеллажом и шкафом с мерно гудящим сервером, разбирался в толстой книге плохо выбритый молодой человек в свитере. Слева была распахнутая дверь в крохотную комнатку с двумя столами, за которыми что-то обсуждали две молодые женщины, и еще одна дверь на которой красовалась табличка «Андрей Алексеевич Шепелев». Дядя махнул рукой парню за шкафом и остановился перед мужчиной в костюме.

– Доброе утро, Андрей Алексеевич, – с подчеркнутой вежливостью кивнул мужчина и бросил взгляд на Лену, – Здравствуйте.

– Доброе, – согласился дядя.

Лена кивнула.

– Миша, познакомься, это Лена, моя племянница, – сообщил дядя. – Помнишь, я говорил тебе, что она, может быть, приедет мне помогать. Вот она и приехала.

Дядя замолчал, глядя на Михаила. И тот, и Лена на всякий случай кивнули друг другу.

– Вот, – продолжил дядя. – Миша, покажи ей тут все. Помоги устроиться...

Андрей Алексеевич еще раз качнул головой и уже принялся уходить.

– А куда ее посадить? – спросил вдогонку Михаил.

– Не знаю, – пожал плечами дядя. – Придумай что-нибудь.

– Так у нас вроде нет ничего... – задумался тот. – Разве только за стол Николая... но ведь он...

– Ничего, – отмахнулся дядя. – Посади туда.

– Хорошо. А ее оформлять?

– Нет, не надо пока. Мы ведь не будем спешить да, Лена? Вдруг тебе не понравится у нас?

Лена пожала плечами – дяде виднее, как себя вести в собственном офисе.

– А как же ей тогда платить?

– Как обычно, деньгами.

– А что мне делать, Андрей Алексеевич? – подала голос Лена.

– Освойся пока, – улынулся дядя, и даже дернул рукой,

как будто хотел погладить ее по голове, но вовремя остановился. – Погляди что к чему... вот там, у Коли, найди, где-то должны быть новые инструкции по полуфабрикатам. Нам послезавтра надо будет проводить груз, хорошо?

– Хорошо, я посмотрю.

– Ну и славно. Если что, заходи.

Дядя развернулся, заглянул в маленькую комнату с двумя столами, поздоровался с девушками и закрылся в своем кабинете.

Лена перевела взгляд вновь на Михаила и обнаружила, что тот всю разглядывает ее и улыбается.

– Михаил, – еще раз представился он. – Можно Миша.

– Лена.

– А как по отчеству?

– Просто Лена, – подняла руку девушка, она не любила, когда ее называли по имени-отчеству, ей казалось, что это ее старит.

– Значит вы – его племянница? – махнул Миша головой в сторону кабинета начальника.

Лена улыбнулась нелепому вопросу. Было очевидно, что собеседник хотел завязать разговор, но как-то очень уж банально у него получалось.

– Мне кажется, он сказал, что да, – пожала она плечами. – Видимо, следует предположить, что так оно и есть.

– Ну конечно, – смутился Миша и встал из-за стола. – Давайте я покажу ваше место.

Сначала Михаил представил Лену парню за шкафом – системщику Васе, потом двум девушкам в соседней комнате – бухгалтерам Свете и Наташе. После чего подвел к столу в дальнем углу справа от двери в кабинет дяди, возле небольшого окошка во двор с очень широким подоконником.

Здесь уже всю хозяйничал Вася, меняя настройки компьютера для новой сотрудницы. Михаил все пытался поймать взгляд Лены и улыбнуться, однако получалось это у него не очень хорошо.

– Всем привет! – раздалось от двери.

Вошедший был высок, коротко стрижен, на нем были джинсы и пиджак с подвернутыми рукавами поверх белой футболки с неопределенным принтом. Смотрелось все это странно, хотя и в некотором роде стильно.

– О! – широко улыбнулся он, увидев, что Михаил стоит рядом с Леной. – А я вовремя! Еще немного и счастливый брак Миши неминуемо даст трещину. При виде таких-то очаровательных глаз...

Он подошел и, не закончив фразы, протянул руку:

– Будем знакомы?

Лена улыбнулась самым краешком губ:

– Странно. А в институте благородных девиц учили, что кавалер не должен первым протягивать руку даме. Наверное, недостаточно благородные были девицы.

Миша отвел глаза и кашлянул. Однако вошедший, если и смутился, виду не показал. Он еще настойчивее тряхнул

раскрытой ладонью:

– Меня зовут Павел. Можно Паша. Павловский бастион знаете? В некотором роде он мой.

– Почему?

Судя по виду Павла, он привык, что этот вопрос задается с глуповатым распахиванием глаз, или просто с удивлением, только ирония не предполагалась. Лена вздернула бровь, так и не подав руки.

– Это очень длинная история, – Павел прищелкнул пальцами, хоть как-то использовать протянутую руку, и многозначительно добавил, – я непременно вам ее расскажу. Я уверен, для этого время у вас найдется.

– Видимо, вам очень хочется быть в этом уверенным?

Паша не сразу нашелся с ответом, и в образовавшуюся паузу вклинился Михаил, поймав взгляд Лены и тоже многозначительно улыбаясь:

– Очень приятно, когда новая сотрудница оказывается, не только так мила, но и остроумна.

Лена даже не стала ничего отвечать, только пожала плечами. Как раз в этот момент системщик встал и показал Лене ее пароль и имя пользователя. Склонившись над монитором, девушка услышала, как Паша шепнул Михаилу:

– Будет работать?

– Да. Племянница Шепелева, – также вполголоса ответил Миша.

– Отпад!

– А то!

Закончив с компьютером, Вася подмигнул Лене и ушел к себе за шкаф. Лена села в кресло и посмотрела на стоящих перед ней молодых людей.

– Если что-то нужно, – кивнул Паша, – обращайтесь. Буду очень рад помочь.

– На самом деле, – почти перебил его Михаил, – он почти всегда занят, так что лучше сразу обращайтесь ко мне.

– Непременно, – согласилась Лена. – Может быть, если вы оба такие занятые, стоит отправиться к своим делам? Чтобы потом больше было времени, если мне понадобится ваше внимание?

– О! – отмахнулся Павел. – Не слушайте его. На самом деле, я почти всегда свободен!

– Ты чего? – резко к нему обернулся к нему Михаил, показав бровью на дверь директора

– Хм, – с комичной озадаченностью почесал нос Паша. – Неловко получилось. Я могу рассчитывать, что это останется между нами?

– Вот, бездельник! – появились за спинами мужчин Светлана с коллегой. – На всякие глупости у тебя времени есть, а счет-фактуру занести почему-то, нет!

– Светик, – улыбнулся Паша, направившись к своему столу, – в тебе говорит ревность!

– Размечтался, – усмехнулась Наташа, и повернулась к Михаилу. – Миш, ты позволишь нам поговорить с Еленой?

Тот кивнул и тоже отправился к себе. Лена мгновенно подобралась. Она ждала того, что ей сейчас предложат как-то представиться, или устроить стол для коллег в честь первого дня в новом коллективе. Все это она ужасно не любила.

– Вы с «1С» работали? – спросила Света.

– Да, немного, – Лена облегченно вздохнула.

– Может быть, поможете? Понимаете, новая инструкция вышла по перерасчету социальных отчислений, и мы никак не можем перенастроить программу, – включилась Наташа и тут же положила перед Леной распечатку с инструкцией. – Надо же еще и за прошлые месяцы перерасчет сделать.

Лена согласилась помочь, хотя и не была специалистом по бухгалтерским программам. Просьба подстегнула ее столичное честолюбие. Однако задача оказалась не по силам. В итоге она не нашла ничего разумнее, чем посоветовать вызвать специалиста. Девушки, впрочем, не особенно огорчились, поблагодарили за участие и отправились к себе.

Лена изучила свое рабочее место, отыскала в компьютере названный дядей материал и попыталась погрузиться в чтение. Однако так и не смогла сосредоточиться. Ее хорошее утреннее настроение куда-то испарилось. Бесхитрый флирт обоих молодых людей подействовал на нее удручающе. Она опять ощутила себя брошенной и одинокой. В комплиментах и взглядах Михаила и Павла Лена увидела фальшь. Складывалось впечатление, что молодые люди вели себя так, словно им была интересна не Лена, как таковая, а

просто новая девушка в круге общения. Вот и сейчас оба то и дело бросали на нее многозначительные взгляды, а ей от этого становилось все грустнее и грустнее.

Около одиннадцати к столу девушки подсел Павел и предложил чаю. Не дожидаясь ответа, перегнулся через стол и набрал номер секретаря.

– Алло? – ожил динамик «громкой связи».

– Ольга Сергеевна, это Паша. Вы не могли бы поставить чаю?

– Конечно, могла бы, будешь угощать новенькую?

Голос секретарши был не просто мелодичен. Он идеально подходил для телефона. Даже не верилось, что по ту сторону трубки сидит пожилая крашеная блондинка.

– Попробую, – улыбнулся Паша и посмотрел на Лену.

Павел отключил телефон и спросил, не отводя глаз:

– Великолепный голос, правда?

– Да, – ответила девушка и тоскливо подумала, что сейчас молодой человек скажет, что и ее голос тоже хорош.

Вспомнился ночной гость. Пожалуй, лучше всего в нем было то, что он не навязывался и одновременно был рядом. Она и предположить не могла, что сможет так тепло думать о каком-то мужчине после того, что произошло дома. И вот теперь новый ухажер все испортил.

– Я, конечно, не имел возможности услышать ваш голос по телефону, – начал Павел, – но мне кажется, что его будет

слышать не менее приятно. Дадите номер вашего мобильного, чтобы я смог в этом убедиться?

Лена покачала головой. Захотелось выйти на воздух, на набережную. Поглядев мимо собеседника, она тут же встретила взглядом с Михаилом. Тот кривовато улыбнулся, кивнул и вышел к секретарю.

– Скажите, вы уже решили, где будете обедать? – несколько не обескураженный молчанием Лены продолжал Павел.

– Еще нет.

– Наш слаженный коллектив, – широко улыбнулся Павел, – обычно обедает у Кнутссена. Вы когда-либо бывали в его кабачке?

Лена покачала головой.

– Много потеряли. У него своя пивоварня. Знаете, крафтовое пиво. Говорят, очень модно в столицах. Еще у нас в городе пиво делают «Федоровские пивоварни», но Кнутссен разливает только в своем кабачке. Ну и еще хозяин «Филина» у него покупает, чтобы поддержать соседа. Вообще-то в «Филине» кухня посолидней, но у Кнутссена всегда меньше народу и еда как-то добротнее. Пойдете с нами? Очень рекомендую. Такого пива вы нигде и никогда не попробуете!

– И что, туда ходит весь коллектив?

– Нет, – Паша подмигнул. – Андрей Александрович и Миша обедают дома.

– Впрочем, – подхватил Михаил, подходя к столу с тремя кружками чая, – я думаю, сегодня в честь особого случая

стоит сделать исключение!

– О! – взмахнула рукой Лена. – Не стоит идти ради меня на такие жертвы!

– Ничего. Я объясню жене, что у нас новый сотрудник, и я просто обязан ему все показать.

– И жена поймет это «ему» правильно? – удивилась де-вушка.

– У него замечательная жена! – вставил Паша. – Даже и не знаю, променял бы я такую жену на сомнительный обед с коллегами по работе?

– Отчего же тогда вам не пообедать с ней? – съязвила Лена.

Паша не нашел, что ответить, зато, наконец, заметил чай, принесенный Михаилом.

– Вот ты какой! – притворно огорчился он. – Лучший друг, называется! Не дал мне поухаживать за дамой.

Миша победно усмехнулся и протянул кружку Лене.

– Хорошо, – продолжил Паша. – Тогда я просто обязан угостить даму бальзамом!

– Я не буду пить! – возмутилась Лена, назойливость флирта стала недопустимой.

– Не волнуйтесь! Всего лишь несколько капель в чай.

– Это только добавит вкуса, – поддержал Михаил. – У тебя что?

– «Старый Замок»! – гордо вынул бутылку из ящика стола Паша.

Лена поджала губы. Но, в конце концов, почему бы и нет? С этой горькой настойкой были связаны не самые плохие воспоминания. В детстве, если она простужалась, тетя всегда укутывала ее пледом, сажала у растопленного камина и давала в руки огромную кружку горячего чая со «Старым Замок».

– А «Лизка»? – несколько разочаровано спросил Миша.

– А «Лизки» нету! – признался Павел.

– И какой же ты после этого обольститель? – вздохнул Михаил. – О! Идея! – он включил «громкую связь» и вызвал Ольгу Сергеевну. – Это Миша, у вас ликер «Елизавета» есть?

– Есть, – ответила секретарша. – Но к чаю лучше подходит «Старый Замок».

– Вот так... – кивнул Паша.

Лена тем временем сама взяла бутылку местной настойки со стола и добавила ложку крепкого напитка в чай, подзревала, что кавалеры одной ложкой не ограничатся. Над кружкой тут же поднялся знакомый с детства густой и теплый аромат. Девушка сделала маленький глоток и почувствовала тот самый шершавый и мягкий вкус, за который любила этот бальзам. Внутри разлилось знакомое бархатное тепло. Вкус этой настойки всегда ассоциировался у Лены с ощущением от большого нагретого на солнце камня, поросшего снизу мхом, с огромным древним замком, чьи стены надежно укрывают от невзгод и непогоды.

Она подумала, что не стоит так переживать, никто не мо-

жет заставить ее идти обедать с коллегами. Она вполне может пообедать с дядей. Поддерживать светскую беседу, кстати, она тоже не обязана.

Лена сказала молодым людям, что подумает над предложением, но, скорее всего, будет обедать с дядей. После чего поблагодарила за чай и ликер и демонстративно погрузилась в работу. И только когда коллеги отошли на свои места, разочарованные несостоявшимся чаепитием, она вновь взяла в руки кружку и откинулась на спинку стула, потягивая напиток осторожными глотками.

Однако ее планам не суждено было сбыться. В половине первого на пороге своего кабинета показался дядя и объявил, что уезжает к директору порта и будет часа через три, потом подошел к Лене, поинтересовался, как идут дела, оставил ключи от квартиры и ушел. Лена почувствовала себя брошенной. Перспектива обедать в полном одиночестве напугала ее. Лена представила, как придет в дядину квартиру, наверняка запутается в замке и ключах, а потом будет стоять перед пустым холодильником в пустой кухне. Поэтому, когда подошло время обеденного перерыва, и новые коллеги повторили приглашение, она согласилась. Разве что отказалась идти вместе со всеми, сославшись на незаконченные дела. Спросила, как добраться и твердо сказала, что пойдет одна.

Когда офис опустел, она выждала еще десять минут, а потом собралась и вышла на улицу. На главной магистрали

Старого города кипела жизнь, шла торговля в магазинчиках, туристы приценивались к сувенирам, горожане обедали за окнами маленьких кафе. Неторопливо пройдя два квартала, Лена свернула направо и вышла на Успенскую улицу. Эта часть города была совсем другой, тихой и почти безлюдной. Вместо огромных барочных зданий, теснились фасадами маленькие двух-трехэтажные домики с эркерами и крохотными балкончиками. В ярком дневном свете, рядом с пылающими осенним многоцветьем кронами деревьев, они казались совсем игрушечными, яркими и веселыми, как в доброй сказке, но Лене сейчас было не до этого. Перебирая свои мысли, она тихонько брела по крупным камням мостовой и грустила.

Лена нарочно отказалась идти с остальными коллегами, ей хотелось в итоге оказаться одной. Шла туда, куда идти, в общем-то, не хотела.

Оказавшись на перекрестке Кузнечной улицы, куда нужно было свернуть, девушка решила, что стоит еще прогуляться, и прошла мимо. Она собиралась обойти квартал и подойти к кабачку Кнутссена с другой стороны. Лена прошла дальше и на перекрестке повернула на старую улочку, с крохотными двухэтажными домиками, с геранью и фиалками в ящиках под окнами, такую узкую и кривую, что для тротуаров места не оставалось. Верхние этажи нависали над нижними, а в стены домов были вделаны фонари. Однако за следующим поворотом обнаружилось, что улица вновь поворачивает, но

уже налево, а это было совсем не то, что ожидалось.

Пройдя еще десяток шагов, Лена поняла, что заблудилась. Дома стояли сплошной стеной, на первых этажах не было ни одного кафе или магазинчика, только тяжелые деревянные двери, окованные железом, низкие и неприветливые. Стены почти смыкались над головой, оставляя вверху ничтожно маленькую полоску неба. Лена испугалась, что не найдет дороги назад, что исчезнет, растворится в этом мрачном старом городе, под древними черепичными крышами. Она понимала, что бояться этого глупо, но ничего не могла с собой поделать. На улице не было, никого, кто мог бы подсказать дорогу, а стучать в двери казалось бессмысленным.

Какую все-таки чушь говорил трубочист! Как только можно додуматься, что одиночества нет? Вот же оно! Одиночество! Полное! Сейчас здесь она совершенно одна и совершенно беспомощна!

Вдруг Лена услышала за спиной странный ритмичный звук. Девушка обернулась и увидела белую с черными пятнами собаку, вышедшую из-за поворота. Та совершенно спокойно трусила вверх по улице, и когти с тонким цоканьем стучали о камни мостовой. Девушка решила, что спасена. Сейчас появится хозяин собаки, и подскажет дорогу, однако собака оказалась совершенно самостоятельной. Опустив голову и чуть вытянув хвост, она бежала куда-то по своим делам, и ей не было никакого дела до девушки. Со стороны она выглядела точь-в-точь как человек, спешащий домой на

обед.

Собака прошла мимо и вскоре скрылась за поворотом. Поразмыслив, Лена решила, что это все-таки хороший знак. По крайней мере, там не тупик. А раз так, куда-нибудь она выйдет. И Лена пошла вверх, вслед за собакой. Улица вывела на новый перекресток. Подняв голову, Лена разглядела над крышами шпили церковей на Трех Крестах. Теперь ясно представлялось куда идти. Она зашагала в выбранном направлении и вскоре вновь вышла на перекресток Успенской и Кузнечной улиц. Впереди за деревьями белела небольшая церковь, слева темнела вывеска кабачка, за которой виднелось еще одно кафе – «Белая Чайка», а у тротуара сверкал канареечный «Фольксваген-Жук». Лена была на месте. Вновь подумалось, что ей совсем не хочется обедать с чужими и, в общем-то, не особенно симпатичными людьми.

Когда она вошла в темный полупустой зал кабачка, новые коллеги все еще ждали заказа. Сидели за длинным столом из желтых струганных досок и пили пиво. При виде Лены, они сразу же засуетились. Павел, а вслед за ним и Михаил вскочили, стараясь устроить девушку. Она про себя грустно усмехнулась и уселась на лавку рядом с Михаилом.

– Что ж, – пожал плечами Паша. – Зато вы сидите напротив, и я смогу беспрепятственно лицезреть ваши прекрасные глаза!

– Вот павлин! – усмехнулся Вася, на другом конце стола, отхлебывая пиво. – И как ты об такие фразочки язык не ло-

маешь?

– Ну-ну, – покачала головой Ольга Сергеевна, – потише, Васенька, веди себя прилично.

Паша, однако, не моргнул и глазом:

– Опыт, друг мой! – сообщил он. – Опыт в таких делах решает все!

Света и Наташа отчетливо хихикнули, а Ольга Сергеевна неодобрительно вздохнула.

– Мы решились сделать выбор за вас, – склонился тот к плечу Лены.

– Заказали печеную мокрель, – перебил его Павел. – Одно из лучших блюд кнутссеновской кухни!

– Почему бы и нет, – пожалала плечами Лена. – Быть в приморском городе и не есть рыбы...

– Просто вульгарно! – закончил за нее Паша.

Вася громко и как-то даже презрительно отхлебнул пива.

– Только напитков пока вам брать не стали, – продолжил Михаил. – Вы будете пиво?

– Или лучше ликерчика? – опять встрял Паша. – «Елизаветы» или «Белой Чайки»?

– «Белой чайки»? – медленно переспросила Лена. – Нет. Не стоит.

Она обвела взглядом стол, убедилась, что не только мужчины, но и женщины сидят с пивом, пускай и с кружками поскромнее:

– Если уж местное пиво так хорошо, то я лучше буду пиво.

Только не темное, и не крепкое.

– У Кнутссена только одно пиво, зато лучшее!

Павел подозвал официанта, заказал пива для Лены и еще три кружки для остальных мужчин. Потом откинулся назад, пристально поглядел на Лену и достал коробку сигарет «Gitanes». Лена едва заметно сморщилась – дым от этих сигарет казался особенно крепким и неприятным.

– Вы будете? – галантно, как ему самому показалось, предложил Паша.

– Не курю.

– И правильно, – кивнул Миша, доставая трубку. – Девушке курить не к лицу.

– Брось, – отмахнулся Павел, выуживая бензиновую зажигалку под «Zippo», с выгравированным сердечком и какой-то надписью, очевидно дареной и вставая – Курение отлично заполняет паузы. Пойдем, покурим?

– Да уж, – улыбнулась Лена. – Когда кончаются коронные фразы, пауз становится хоть отбавляй.

– Что вы! – покачал головой Паша. – С такой очаровательной собеседницей можно говорить бесконечно!

– Эх, Паша, Паша, – ехидно протянула Наталья, – а ведь совсем недавно другим это говорил!

– Ну что вы, девочки, – улыбнулся он. – Не ссорьтесь! Я вас всех люблю!

Убедившись, что Лена не собирается выходить с курильщиками, мужчины остались за столом. Принесли пиво. И

вовремя. Лену уже вновь успел утомить навязчивый флирт. Она сделала глоток и невольно перевела дух. Пиво и впрямь было отличным. Свежее, душистое, с тем вкусом, которого, как ей казалось, и не хватало в данную минуту. Лене сразу захотелось съесть что-то простое, но вкусное.

Мужчины, получив полные кружки, примолкли, сделав несколько глотков.

– Уф, – оторвался, наконец, Михаил. – Отличное пиво!

– Настоящее! – подхватил Вася.

Паша подмигнул Лене поверх кружки с густой белой пеной.

– Да, – продолжил Михаил. – Не зря все-таки Кнутсен пережил обе войны и революцию. Такое пиво того стоит! Куда уж «ФП» до него. Жаль только, мало кто это сейчас понимает!

– Кто бы говорил, – покачал головой Паша. – Сам-то каждый вечер ничего кроме «Лопатинского» в рот не берешь! А то и вовсе «Балтику» потребляешь.

– Неправда! – возмутился Вася. – Он еще по праздникам «Генеральским» себя балует, бархатным!

– Хохмачи, – буркнул Миша, – привязались. «Федоровские пивоварни» продается в ларьке под окном. К Кнутсену каждый раз не набегаешься.

– Угу, – согласился Паша. – А еще «Федоровское» для семейного человека очень даже бюджетное. Не какой-нибудь «Гиннесс»

– Да какая разница? – махнул трубкой Михаил. – Главное, Кнутссен толк в пиве знает. Что странно, вроде не немец и не чех.

– А я слышал, – проговорил со своей стороны стола Вася, – вроде его предок на чешке женился, и с ней уговорил переехать тестя. Так что сама пивоварня основана как раз чехом.

– И правильно! – одобрил Павел и поднял кружку. – Так выпьем же за любовь без границ!

– Благодаря которой, – подхватил Вася, – мы можем пить отменное пиво!

Света и Наташа фыркнули. Ольга Сергеевна вздохнула. Лена молча подняла кружку и сделала глоток. «Пивное» обсуждение было скучно, а тост «за любовь» вновь напомнил о боли, загнавшей ее в этот город, и опять захотелось куда-нибудь спрятаться.

Погруженная в свои мысли, она почти не слушала, что ей говорили, не отвечала на ухаживания. Тем более что принесли еду, и появился отличный повод выпасть из беседы. Вдвойне грустно было оттого, что она практически не чувствовала вкуса рыбы, хотя в то же время какая-то другая часть ее самой понимала, что блюдо и было удачным.

Вспомнился ночной гость, его мягкий голос, простоватая улыбка и странные идеи. Одиночества нет... нет, только не для нее! Вот сейчас она сидит среди людей и пронзительно одинока.

Когда все было выпито и съедено, между Пашей и Мишей разгорелась баталия за честь оплатить счет Лены. Поначалу девушка даже пыталась настоять, что заплатит сама, а потом махнула рукой. В конце концов, если они так уж этого хотят, то пусть. Тем более что сумма казалась смехотворной по столичным меркам.

На обратном пути точно как она и представляла, Павел и Михаил пытались произвести впечатление рассказами о городе. Они перебивали друг друга, и говорили противоположные вещи об одном и том же, Вася ехидно комментировал, Света и Наташа хихикали и задавали «глупые» вопросы, а Ольга Сергеевна улыбалась. Лена шла, чувствуя себя в центре внимания и в то же время, словно в пустоте.

К счастью, добравшись до офиса, ухажеры оставили ее, занявшись, наконец, делом. Лена истово погрузилась в работу, сбежав от воспоминаний в дебри дополнительных инструкций и правил оформления грузов, лицензий и сертификатов.

К трем появился дядя. Не сказав ни слова, прошел в свой кабинет и закрыл дверь. В пять Миша закончил дела и ушел домой. Потом собрались Света и Наташа. Паша повертелся, пытаясь привлечь внимание Лены и пригласить ее куда-нибудь, но тоже ушел. Лена же уходить не спешила. Впереди был долгий вечер, который было совершенно нечем занять. Она решила, что в любом случае надо подождать дядю и продолжала изучать документы.

Около шести отправился домой Вася. В офисе стало пусто

и как-то гулко. Она поняла, что не зря боится вечера. Гулять Лена бы не пошла, а сидеть дома в пустой комнате, зная, что за стенкой дядя покачивается в кресле было не в ее силах.

Около восьми дядя вышел в общую комнату и с удивлением обнаружил Лену.

– Здравствуй, племянница. А что домой не пошла?

– Как-то засиделась, – пожалала плечами Лена.

– Разобралась? – одобрительно улыбнулся дядя.

– Почти.

– Хочешь еще посидеть или пойдешь со мной?

Как и раньше Лена все не могла определить, то ли ему действительно безразлично, что она чувствует и как ей тяжело, то ли он наоборот, все понимает и не хочет мешать своим бесплодным участием.

– Пойдемте, – пожалала плечами она и встала.

– И хорошо, – кивнул дядя, – и хорошо.

Лена совсем забыла, что дома у дяди в холодильнике по-прежнему пусто, и в продуктовый магазин они по дороге так и не зашли. В итоге она вновь оказалась перед морозильной камерой, забитой полуфабрикатами. Поразмыслив, остановилась на фаршированном перце, сочтя, что его холостяцким блюдом не назовешь.

Ужинали почти в молчании, и сегодня это казалось более естественным. Дядя немногословно спросил, как прошел день, она так же немногословно ответила, что познакомилась с коллегами и даже пообедала с ними у Кнутссена. Дядя

спросил, как ей понравилось знаменитое пиво, она ответила, что понравилось. На этом беседа и окончилась. Она даже не стала спрашивать дядю о удивительно попустительском отношении к пьянству в середине рабочего дня. Вообще в этой квартире было легко молчать, и в который раз Лена похвалила себя за решение приехать сюда.

После ужина и чая, дядя вновь тяжело поднялся со стула, и пробормотав: «Пойду, посижу», отправился к камину. Лена посидела немного, катая в ладонях остывшую кружку. Солнце за окном только-только клонилось к закату. Всего девять, какой бесконечно долгий день. И впереди еще долгий вечер. Спать совсем не хотелось, а чем себя занять, она не представляла. Пора идти в комнату, умыться и переодеться, а там может, и сон придет, а может, будет настроение почитать, у дяди нет вай-фая, но должна быть неплохая библиотека. Опять-таки интересно, остались ли на столе проволочные очки трубочиста? Лена улыбнулась, поняв, что до сих пор не заглянула в комнату.

Вчерашняя встреча почти забылась и казалась сном. В самом деле, можно ли представить, что в ее комнате ночью был совершенно незнакомый мужчина, который пришел ниоткуда и так же странно исчез? Пускай это покажется нелогичным, но, если очки и впрямь обнаружатся, это будет не подтверждением реальности вчерашнего, а скорее неким символом, который позволит сохранить память о странном видении. С такими мыслями она подошла к своей комнате.

Он сидел лицом к окну, положив подбородок на высокую спинку стула, и сумеречный предзакатный свет четко очерчивал его силуэт с выпрямленной спиной. В руке он держал открытую бутылку темно-зеленого стекла, по комнате витал тонкий аромат мяты. Цилиндр и проволочные очки лежали на углу стола.

Лена тихонько вошла и села на край кровати.

Он отпил из бутылки, посмотрел в окно, повернулся и подмигнул. Сюртук и воротник белой рубашки был расстегнут, от этого гость казался шире в плечах. Он откинулся назад, опираясь на стол левым локтем и, сделав еще один глоток из горлышка, махнул бутылкой:

– Будешь?

Она помотала головой:

– Из горла?

Он дернул бровью и опять посмотрел в окно:

– В том, чтобы пить из горла есть что-то настоящее. Честное. Только ты и напиток. Какой он есть, не исправленный формой бокала и светскими привычками.

– О! Целая философия!

– А философия всегда должна быть в простых вещах. Иначе в ней нет смысла. Так что, решилась?

– Нет. Лучше воздержусь от лишней натуральности. А что это, кстати?

– «Мятный родник».

– Ликер? Который «Элика» делает? – уточнила Лена, хотя

пробовать все-таки не собиралась. – Сладкий?

– Освежающий, – кивнул гость.

Помолчали. Он – глядя за окно. Она – осматривая свои сложенные на коленях руки.

– Так что сегодня? – спросила девушка. – Будете лечить или сказки рассказывать?

Трубочист широко улыбнулся:

– Сегодня будем гулять!

Лена поймала себя на том, что когда Паша намекал на свидание, прогулка казалась последним, чего она хочет. Однако сейчас предложение выглядело интересным, хотя и не самым заманчивым.

– И где же мы будем гулять? – спросила она, готовясь к предложению посетить обычные места свиданий: Елизаветинскую набережную или Монастырский бульвар.

– Мы будем гулять по крышам! – сообщил трубочист, распахнув глаза.

– И как же мы туда попадем? – она даже не удивилась неожиданному приглашению

– Естественно, через печную трубу.

– Но... я же перепачкаюсь! – возмутилась Лена.

– Нисколько, – покачал он головой и взял ее за руку. – Я уже все вычистил. В конце концов, это моя профессия!

Лена очень сильно сомневалась, что и впрямь возможно пролезть через трубу, да еще и не испортить одежды, но перспектива прогулки по крышам завораживала.

Путь через трубу девушка запомнила очень смутно. Гость забрал со стола полотняный мешочек и увлек ее к камину, в котором уже была установлена деревянная лестница, и она поставила ногу на первую ступеньку. Потом темнота, и вот она уже стоит на крыше, а рядом высится кирпичная труба, прикрытая жестяной крышечкой. Впереди на гору вбирались красные, подсвеченные заходящим солнцем коньки крыш, а сзади синел залив. Она неловко переступила на мостках, уложенных поверх черепицы, и крепче сжала руку спутника.

– Страшно? – прошептал он на ухо.

– Ага, – кивнула она, но улыбнулась.

– Пойдем, – опять шепнул он и потянул ее за собой.

Они прошли вдоль дома, и перебрались на крышу старого домика на Цветочной. Здесь здания почти смыкались кровлями над узенькой улицей, и над ней даже были перекинuty мостки.

– Мы что, будем переходить на ту сторону? – спросила она, желая, чтобы ее переубедили.

– Да. Ведь мы гуляем по крышам! Не бойся, это совсем не страшно!

Трубочист отпустил ее руку, и, выйдя на мостки над улицей, остановился на середине. Легко, будто стоя на тротуаре, обернулся. У девушки перехватило дыхание: он стоял над пропастью на двух тоненьких досочках, сбитых поперечными планками. Лена не только не могла представить, что перейдет сама, она была готова упасть в обморок уже от страха

за спутника.

– Не бойся, – улыбнулся трубочист и протянул руку. – Посмотри, как здесь красиво!

– Очень красиво. И мне совершенно неплохо на этой стороне.

– Пойдем, – позвал он. – Останешься здесь – не увидишь моря.

Лена помотала головой:

– Увижу как-нибудь в другой раз.

Не сразу, но она нашла в себе силы и перешла через улицу. Хотя, когда шагнула на доски, чуть не умерла от страха.

– Дальше пойдет легче.

– Правда?

– Обещаю.

Они шли по узким крышам старого города, взбирались по мосткам на высокие кровли, крались мимо узких чердачных оконцев. Город с его темнотой и серыми сумерками остался внизу, а здесь было полыхающее закатом небо, красная черепица под ногами и лес труб и флюгеров. Раньше, глядя с земли, она и представить не могла, что на самом деле флюгера такие большие. Захотелось остановиться, прислониться к печной трубе и стоять, глядя по сторонам, дышать свежим морским воздухом, но трубочист все время тянул дальше – вдоль Южного вала к Медному рынку. И Лене нравилось, что он держал ее за руку.

– Подожди! – все-таки попросила она. – Дай передохнуть.

У меня голова кружится. Наверное, от свежего воздуха.

– Хорошо, – присел он на мостки, взбирающиеся на круглую крышу.

Лена вдруг захотелось, чтобы он встал за спиной и обнял ее. Такой настоящий, надежный. Ее даже удивило, что она вообще может *так* думать о другом мужчине после того, что случилось. Девушка покачала головой и глубоко вздохнула.

Здесь обзор был не так хорош – за спиной высокая крыша, похожая на островерхую шляпу с широкими полями, и точно такие же крыши напротив. Взгляд Лены остановился на прикрывающей дымоход ажурной жестяной крышечке, похожей на кровлю маленького домика. Такие же, только более или менее затейливые, были и на остальных трубах.

– Зачем их делают? – спросила Лена.

Трубочист даже не посмотрел и не переспросил, просто пожал плечами:

– Чтобы дождь и снег не попадал в трубу. Только из-за них птицам порой приходится несладко.

– Почему?

– Когда холодно, они часто прилетают погреться, а потом засыпают от угарного газа и падают в трубу.

Девушка распахнула глаза:

– А потом?

– А потом жильцы вызывают нас, и мы их достаем, – пожал плечами трубочист, – был случай: кто-то привез из дальних стран экзотическую птицу. Такую яркую, с цветными пе-

рьями.

– Попугая?

– Наверное. А потом этот попугай улетел. Было уже холодно, и бедолага никак не мог найти себе места. Отощал, облез. Прилетел к трубе. Может, ему показалось, что это маленький кусочек теплой родины...

– И вы его спасли?

– Да. Успели. Он большой был, закупорил собой дымоход. Когда мы его достали, отдали хозяевам дома.

– И как он?

– Освоился. Хотя все еще тоскует по родине.

– Грустная сказка, – вздохнула она.

– Грустных сказок не бывает, – сообщил трубочист.

– А можешь меньше менторства? – поддела Лена.

Трубочист кивнул, и они пошли дальше. Еще дважды пришлось перебираться через улицы, причем второй раз не понадобились даже мостки – так близко сходились крыши домов. Наконец они перешли через улицу Медников и остановились. Эта линия домов стояла прямо на берегу моря.

Давным-давно, задолго до всех революций, здесь была крепостная стена города. Она проходила ровно над водой, чтобы не оставалось места для высадки врага. А потом, когда крепость стала ненужной, стену начали разбирать, но магистрат решил, что ее можно продать горожанам и те устроят в ней дома. Так и сделали. Разделили стену на участки, жильцы выстроили узкие фасады, выкрасили их в разные цвета,

надстроили этажи, перекрыли черепичными крышами, и теперь только с моря можно было увидеть, что это старая крепостная стена. А люди жили на самом краю города, и в их окна стучался морской ветер.

Башни тоже не остались пустыми. В Медной обустроили жилье, а в другой какая-то маленькая неортодоксальная церковь открыла часовню Девы Марии. Сюда на берег приходили матери и жены просить святую заступиться за родных в далеком море. И морской ветер, врывающийся в открытые узкие окна башни, чудесным образом не трогал пламя свечей перед фигуркой святой.

Трубочист помог Лене перебраться через конек крыши и остановился:

– Ну, вот мы и на месте.

Она остановилась и ахнула. Справа были видны башни замка, подсвеченные лучами заходящего солнца, крутой дугой выгибался берег залива, обрамленный пирсами порта и увенчанный портовыми кранами, а за ними темнел лес. Слева берег выгибался такой же плавной дугой в другую сторону, и там за городом на горке поднималась над соснами розовая в закатном свете башня маяка. А под песчаным обрывом, беззаботно побросав велосипеды, стояли мальчишки, и пускали по воде окатыши.

– И что теперь? – спросила Лена.

– Теперь, – улыбнулся трубочист, развязывая полотняный мешочек, в котором что-то перекатывалось с глухим сту-

ком, – мы будем сидеть на краю, свесив ножки, кидать в воду камешки и разговоры разговаривать.

Он шагнул с мостков на плоский скат крыши и подошел к краю. Лена уже привыкла ходить по мосткам, но старая черепица вызывала опасения.

– А мы не упадем?

– Нет, – улыбнулся трубочист. – Ведь это волшебная крыша в волшебном городе. Здесь это просто невозможно.

– Фраза, конечно, красивая... но все-таки...

– Чтобы упасть, ты должна перестать быть собой.

Лена помнила, что в книжках в таких случаях герой всегда говорил что-то обнадеживающее, и героиня тут же переставала бояться, но после целых двух ответов, один страннее другого, не почувствовала прилива смелости. Поэтому так и не решилась подойти к краю, а села рядом с высоким скатом крыши, обняв колени. Трубочист же расположился полулежа, опираясь на локоть, свесив одну ногу с края, а другую поставив на черепицу, и пододвинул к девушке мешочек, в котором обнаружили небольшие окатыши гальки.

А потом они сидели на крыше, под закатным небом и кидали в море камешки.

Лене все-таки было несколько не по себе от высоты и трудно было понять, как ему удастся так беззаботно сидеть прямо на краю.

– Неужели вы, трубочисты, не боитесь упасть?

Он усмехнулся и с широким взмахом кинул камешек в

воду.

– Трубочисты не падают. Они взлетают!

Лена улыбнулась и тоже бросила в воду окатыш:

– Как чайки?

– Ну... – пожал плечами. – Разве что как чайки с необычными именами.

Лена хихикнула, вспомнив давно читанную и так же давно забытую книгу. Подумала, что это действительно здорово: сидеть на чуть влажной прохладной черепице, болтать о ерунде и смотреть на море.

Наконец солнце закатилось за горизонт, оставив небо вечерней голубизне.

– Странная штука закат, верно? Это всего лишь свет, падающий на предметы, а как впечатляюще! Тебе никогда не было интересно, почему это так?

Она пожала плечами. И даже не стала ничего говорить, было ясно, что он продолжит и сам:

– Красота заката внутри нас. Мы сами наполняем игру света и тени смыслом. Гармонией, красотой. Мы не просто видим сочетания цветов и линий, они будят в нас чувства и эмоции. Но эти эмоции наши собственные.

Лена опять пожала плечами, кинула камешек и замерла, стараясь различить в шуме вялого прибоя всплеск от его падения.

– На самом-то деле так же мы видим и все остальное, – трубочист тоже кинул свой камешек. – Мы общаемся не с

теми людьми, какие они есть на самом деле, а с теми, какими мы их видим. Мы слышим их слова, видим их поступки и на основе всего этого создаем образ. Разве может образ точно соответствовать человеку? Нет. Точно так же мы одушевляем предметы вокруг нас. Мир вокруг нас живой, мы сами его делаем живым, ведь он – отражение наших мыслей и чувств. Разноцветные занавески на окнах веселят. Пустая темная комната давит, кажется зловещей. Чьи это мысли? Комнаты? Нет, наши. Одиночества – нет. Всегда есть еще и мы сами!

– Какие странные мысли, – поежилась Лена. – В них есть что-то ненормальное.

Он улыбнулся.

– Тебе и должно так казаться.

– Почему?

– Потому что одиночество нужно. Оно очень нужно обществу. Обществу очень важно, чтобы люди боялись быть вне его, чтобы они стремились к остальным, потому-то и существует идея одиночества! Множество людей сознательно, а больше невольно, потрудились над этим. Они создали книги, стихи, песни. Нам с раннего детства объясняют про одиночество и пугают им. Но это нужно не людям, а обществу. Чтобы, как только человек избавился от общества, он тут же чувствовал себя одиноким. Ведь без людей не будет самого общества.

– Что же, по-твоему, есть какой-то заговор? Злой умысел

писателей и поэтов против людей? – иронично улыбнулась Лена.

Он покачал головой:

– Ну что ты! Нелепо так думать. Общество не какой-то злой гений. Это нечто аморфное, но по-своему цельное. Сначала человеку было просто опасно быть одному, вне своей группы. Страх остаться одному был страхом физической смерти. Он заставляло человека быть в обществе других, привязывал его к группе. Тем, кто остро переживал и чувствовал, писателям, поэтам, мыслителям это, конечно, не нравилось. Подспудно такая несвобода давила на них. Делясь своими мыслями и эмоциями, своей грустью о несвободе, они шаг за шагом, мысль за мыслью создали одиночество. И общество, которому нужно было что-то, что заставит людей держаться вместе, даже когда им уже не грозит физическая опасность, подхватило эти мысли. Они впитываются нами в детстве и сопровождают всю жизнь. Это как замкнутый круг, как раскручивающаяся спираль. Людям, естественно, не нравится, что их куда-то тянут силком. Им плохо. И вот они так же кладут свой кирпичик в стену одиночества.

– Так все-таки оно есть!

– Нет. Не путай чувство одиночества и само одиночество. Это как стигматы. Гвоздя, который оставил рану, нет, и никогда не было, а боль и кровь есть.

Девушка помолчала. Сказанное казалось логичным, но она никак не могла с этим согласиться.

– Одиночество чувствуешь только когда ты с кем-то... – тихо проговорила Лена.

– Красивая фраза, – улыбнулся он. – И заметь, она доказывает, что я прав.

– Не понимаю.

– Поймешь! – он широко размахнулся и его камешек по пологой дуге полетел в море. – Когда ты вместе с кем-то, зачастую осознаешь, что только страх одиночества заставляет тебя быть с ним. Но всегда есть надежда встретить человека, с которым будет просто хорошо. С которым тебе захочется, а не придется, быть вместе. И тогда ты поймешь, что одиночества нет.

Лена взглянула на свободную позу трубочиста, распахнутый сюртук, белую рубашку. Вчера он казался таким серьезным, его слова такими весомыми, а сегодня они воспринимались иначе, как будто были и не были, как камешки, падающие в море.

– А разве ты не должен носить черную рубашку?

– Должен, – улыбнулся он, подбрасывая на ладони очередной окатыш. – Но иногда очень хочется белую. И расстегнуть верхнюю пуговицу.

– Скажи, а это правда, что пуговица трубочиста приносит счастье?

Трубочист повернулся к ней и поднял бровь:

– Разве ты суеверна?

Она впервые увидела его лицо так близко. Оно было все в

мелких точечках, как будто присыпанное молотым перцем.

– Расскажи мне что-нибудь.

– О чем?

– Все равно. О городе. О крышах.

– Некоторым трубочистам если повезет, удастся найти на крышах эдельвейсы. В щели между черепицами наносит пыль и земли, а потом с птицами или ветром появляются семена... Тогда под самым небом вырастают маленькие цветы.

– И они цветут?

– Говорят, что да.

– Расскажи еще.

Трубочист улыбнулся.

– Хорошо. Видишь во-о-он ту башню?

– Медную?

– Да.

– Там горит окно на чердаке. Она жилая?

– Да. Там живет издатель одного маленького литературного журнала. По вечерам он собирает всю семью у камина в комнате под крышей, и они читают вслух рассказы, которые присылают ему авторы.

– Как здорово!

– Еще бы.

– А почему башня называется Медной? Раньше она была из меди?

Он усмехнулся:

– У нее, конечно крыша медная, но не поэтому. Вот отчего

Меховая башня так называется, знаешь?

– Ну, не из меха же она сделана! – рассмеялась Лена. – Может, в ней хранились меха?

– Просто ее построили на деньги купцов-меховщиков.

– А Медную на деньги медников?

– Именно.

Она улыбнулась, глядя в его глаза. А потом тихо спросила:

– Обнимешь меня?

– Я перемажу тебя сажей... – проговорил он.

– Ну и что. Отмоюсь.

Они сидели на крыше до темноты, пока небо не засверкало звездами, а порт не засиял огнями. Когда они собрались идти домой, островерхие крыши уже превратились в темные силуэты, с подсвеченными снизу кромками, только кое-где в чердачных окнах горел желтый свет.

Она поглядела на башню, где издатель со своей семьей читал вслух рассказы, и улыбнулась:

– А еще где-то здесь должен жить молодой скромный принц со своей розой в горшочке.

– Это же из другой сказки? – проговорил он на ухо.

– Ну и что? Зато он бы подошел к этим окнам. Во-о-он к тому, например, с узкими ставнями.

– Значит... – пожал плечами трубочист. – Значит так и есть. Проведаем его?

– Не надо. Не будем ему мешать.

Лена уже так привыкла к крышам, что на обратном пути

совсем не боялась, и с интересом смотрела вниз на улицы, на припозднившихся прохожих, сидящих на подоконниках котлов, и собак, бегущих по своим делам, как будто они полноправные жители города, и у них тоже есть работа и семья, куда они должны возвращаться по вечерам. Это был совсем другой мир, новый, необычный и в то же время мир, который всегда был рядом.

Наконец они добрались до дома на Посольской улице и так же через трубу оказались в комнате. Трубочист забрал со стола цилиндр и исчез в камине. Лена опять осталась одна, но на этот раз она улыбалась.

На краю стола стояла темная бутылка зеленоватого стекла, и лежали очки из скрепок. Еле уловимо пахло мятой. Она подошла, открутила крышечку, и отхлебнула прямо из горлышка.

Ликер действительно освежал.

Утром, встретив на кухне дядю, опять зачем-то сливающего воду из кастрюльки с пельменями, Лена решила, что дальше так продолжаться не может, и необходимо приготовить настоящую еду. После работы на рынок идти не имело смысла, поскольку к вечеру торговли не было. Поэтому пришлось отпроситься у дяди перед обедом. Ожидаемая поставка ожидалась лишь завтра, нужды в присутствии Лены на работе не было, и дядя отпустил девушку пораньше. На рыночной площади Лена оказалась около одиннадцати.

В этот час площадь и еще кипела народом. От Меховой башни до Никольского собора площадь была заставлена множеством палаток и затоплена морем людей. Над всем этим поднималась приземистая и мрачноватая Круглая башня. Раньше в ней брали налоги при въезде в город, и была тюрьма, а теперь внизу сделали ресторан, а на крыше смотровую площадку, где продавали детям леденцы.

Лена прошла по рядам и озадачилась. Здесь торговали носками и термосами, морскими свинками и кормом для попугайчиков, но только не едой. Она вышла на край площади и остановилась.

– Простите, – услышала девушка робкий голос за спиной. – Вы ведь Лена, да?

Она оглянулась и обнаружила высокую худую женщину лет тридцати с двумя мальчиками.

– Да, – ответила Лена. – А как вы узнали? Кто вы?

– Меня зовут Вера, я жена Михаила, вашего коллеги по работе.

– Вот как? – озадаченно протянула Лена.

– Да. Миша вчера мне про вас рассказывал. А тут сегодня иду и вижу – стоит девушка, сразу видно, не туристка, и не местная. И возраст подходит. Решила спросить, думаю, если ошибусь – ничего страшного.

Лена удивленно подняла бровь. Наверное, для такого маленького города такое совпадение обычно. В то же время она чувствовала себя неловко, совершенно не представляя,

о чем говорить и нужно ли говорить вообще.

Дети Веры тоже не обрадовались заминке. Один, который постарше, напряженно сопел, а младший молча и упорно тянул мамину руку в сторону Круглой башни.

– Решили подновить гардероб? – поинтересовалась Вера.

– А? Нет. Я хотела купить что-нибудь из продуктов.

– И не нашли, да? – улыбнулась Вера и подтянула младшего поближе.

– Не нашла.

– Так продуктовый-то рынок у нас на Рыбном пирсе. Хотите, провожу? Мне как раз туда. Надо купить чего-нибудь к обеду.

Лене очень хотелось отказаться и пройтись одной, тем более что заблудиться он не смогла бы при всем желании. Однако отказаться не смогла.

– Да, конечно, – вяло проговорила девушка.

Вера тут же подтянула младшего под руку и пошла вперед, указывая дорогу в обход рыночной толчеи. Младший пару раз всхлипнул для порядка, но в целом вел себя покорно.

– Как вам нравится наш город? – спросила Вера через плечо.

– Он такой тихий...

– Да. Вам, наверное, тут скучно? Все кажется маленьким и затхлым?

– Только не затхлым... скорее увядающим.

Вера замедлила шаг и посмотрела прямо в лицо девушке.

– Какая откровенность...

– Да, – кивнула Лена. – Захотелось сказать, как есть.

– А как вам новый коллектив? Миша рассказывал, вы произвели фурор.

– А что еще он вам рассказывал? – уже произнесся вопрос, Лена поняла, что он мог прозвучать излишне резко.

– Он многое мне рассказывает. Только... – Вера вздохнула.

Старший мальчик споткнулся.

– Только вам кажется, будто не говорит вообще ничего?

– Иногда.

Лене было не по себе от разговора, ставшего настолько откровенным, но остановиться она уже не могла.

– А почему вы вообще с ним?

Старший мальчик бросил исподлобья суровый взгляд. Вера остановилась, почти отпустила младшего, и тот тут же начал тянуть ее в сторону.

– Сложно сказать, – проговорила она, глядя в сторону Северной Гавани, – я привыкла к тому, что он все время рядом... кроме того, у меня есть свои увлечения, которые занимают много времени, а ему ничего не надо объяснять...

– Он тоже их разделяет?

– Нет. Но мне кажется, что понимает, – качнула головой Вера, а потом оглянулась и повернула вдоль набережной. – Нам сюда.

Лена бросила взгляд на Северную Гавань, на белеющее

здание гостиницы «Интурист» потом оглянулась назад, на переполненную площадь и Круглую башню. Чуть помедлила и лишь потом тронулась с места. Вера пошла следом, ничего не говоря, словно сжавшись в ожидании следующего вопроса. Лене казалось, что она просто обязана была его задать.

– Вы одиноки? – наконец спросила она.

Вера остановилась. Посмотрела прямо в глаза.

– Не знаю... наверное... нет, не могу сказать, – очень медленно проговорила она, потом помолчала и, глядя в землю добавила. – Одиночество, наш самый верный спутник, всегда с нами.

Старший мальчик вдруг поднял голову, посмотрел на маму и очень четко сообщил:

– Мам, я мороженого хочу.

Вера глянула на него, кивнула и заторопилась вперед.

К огромному облегчению Лены при входе на рынок они расстались. Так что девушка смогла безо всякого смятения чувств и лишних раздумий купить все что нужно, а потом спокойно принести пакеты в дядину квартиру, наскоро перекусить и отправиться в контору.

На работе все тоже прошло спокойно. Тем более что Паши не было, а Миша сник, после того как Лена сказала, что встретила его жену.

К вечеру Лена чувствовала себя тихо и легко, никаких мыслей, никаких переживаний. Зато она обнаружила, что с

нетерпением ожидает новой встречи с трубочистом. Она не раз вспоминала ощущения от его теплой руки, глубокие глаза, лицо в мелких черных точечках. Думала, что уж теперь-то обязательно надо спросить, как его зовут. Вспоминая о нем, хотелось повторять его имя.

Однако, когда они с дядей поужинали, наконец, по-настоящему, девушка не стала спешить в свою комнату. Лена опасалась увидеть комнату пустой. Убрала тарелки в посудомоечную машину и решила пить чай. Захотелось крепкого чая с ложкой «Старого замка», чтобы сесть на стул, поджать ноги, взять кружку в руки и маленькими глотками пить обжигающий напиток, чувствуя, как тепло наполняет ее изнутри.

Девушка была уверена, что этот бальзам обязательно должен был быть на кухне. Однако удалось найти только початую бутылку «Елизаветы», стоявшую здесь уже неизвестно сколько времени. Этот ликер, излюбленный гостинец городских ухажеров, был назван в честь императрицы, однако на веселенькой желтой этикетке была почему-то изображена легкомысленная барышня в платье с оборками и кружевным зонтиком. Повертев бутылку в руках, Лена поставила ее на место. Не то. Хотя... в комнате должен был остаться со вчерашнего вечера «Мятный родник»! Значит, есть достойный повод пойти и посмотреть, вдруг трубочист уже ждет ее!

Улыбаясь, Лена прошла по коридору и открыла дверь в комнату. Никого. На углу стола по-прежнему лежали очки из скрепок, и стояла темно-зеленая бутылка. Жаль. Что ж,

значит, чай будет со вкусом мяты. Она взяла со стола ликер и вернулась на кухню.

Мятный чай взбодрил, и Лена не могла отделаться от ощущения, что сейчас середина дня, а за окном светит солнце. Захотелось прогуляться, увидеть снизу тот город, который вчера она видела сверху, пройтись по набережным, а потом, может быть, зайти в кино.

Она вышла из дома и остановилась. Куда теперь? На открытую Елизаветинскую набережную или на мостики тихого Монастырского бульвара? Она выбрала набережную – известное место встреч городских влюбленных.

Выйдя на площадь Старого рынка, Лена остановилась перед памятником у здания Новой ратуши, поглядела на табличку у дверей, свидетельствующую, что тут располагается городская администрация, и обошла вокруг памятника основателю города. Это было странное изображение. Странности начинались с очень низкого постамента, на котором мелкими буквами было выбито: «Ондрий Лопата», а чуть ниже «Henrich Spaten». Постамент был столь низок, что голова статуи оказывалась почти на уровне ее глаз. Чудной была и сама бронзовая фигура: очень молодой человек в заломленной набекрень шапке с меховой оторочкой, распахнутой косоворотке и немецком камзоле. Лихо подбоченясь и выставив вперед ногу в башмаке с пряжкой, он глядел вперед на замок и как будто даже ухмылялся. Лена видела немало памятников и твердо усвоила, что они должны быть какими

удобно, только не такими. К тому же что-то в чертах Ондрия вдруг напомнило ей трубочиста. Отчего-то это показалось неприятным. Лена резко развернулась и пошла к мосту.

Вечерний мост кипел жизнью. Справа ленивая волна плескалась в сваи мостков, перекинутых от набережной к Ключниковой башне. Разводной мост к замку был уже поднят, как всегда после семи вечера и до семи утра и мальчишки сидели на досках, свесив вниз босые ноги. А по Крепостному мосту от Старого рынка до Федоровой площади прогуливались горожане. Они чинно вышагивали по широким тротуарам, беседуя вполголоса, благочестиво раскланивались друг с другом, и шли дальше. Лене вновь представилось, что они одеты не в современную одежду, а в сюртуки, цилиндры, платья с оборками. И сама чувствовала некоторую неловкость за свои джинсы и свитер под горло.

Набережная оказалась весьма милым местом. Кованая ограда у воды, а перед ней под кленами и вязами стояли ажурные чугунные лавочки. Улица вдоль набережной была тиха, редко-редко когда проезжала машина. Здесь было спокойно и романтично. Чуть подернутое рябью зеркало Северной гавани, устье Смоленки, схваченное двумя ажурными дугами мостов, и желто-красные сполохи деревьев на другом берегу, приласканные светом заходящего солнца.

Остановившись у чугунного парапета Лена украдкой, чтобы не смутить пристальным вниманием гуляющих, огляделась. Парочек на набережной хватало, впрочем, как и сво-

бодных лавочек, деревья прикрывали влюбленных своей тенью, а шелест листвы заглушал тихие разговоры.

Лена улыбнулась. Да, здесь она была одна, но вспоминая теплые руки трубочиста, не чувствовала себя одинокой. Вспомнилась еще одна пара – Вера и Михаил. Наверняка они тоже ухаживали друг за другом. Приходили сюда и смотрели на воды Северной гавани, розовые от заходящего солнца. Однако сейчас они не счастливы. Михаил неловко пытается понравиться каждой новой девушке, как будто это что-то изменит в отношениях с женой. А Вера спокойно ждет его к обеду. Оба одиноки. Они женаты, у них два замечательных сына, но они одиноки. Или трубочист прав? Но тогда зачем одиночество было создано? Если бы его не было, Михаил и Вера вряд ли бы поженились. Совершенно точно у них не было бы детей. Если так, одиночество и впрямь нужно обществу, хотя ему и безразлично, что Михаилу и Вере плохо вдвоем. Если бы не было чувства одиночества, Паша не бросался бы на всех девушек подряд, а спокойно дождался бы «той самой». Но нет, одиночество давит на него, заставляет суетиться и нравиться всем...

Лена почувствовала печаль. Перегнувшись через перила, поглядела на прозрачную воду и пошла обратно. Скоро сумерки, а еще хотелось побывать на Монастырском бульваре.

Она шла обратно Федоровской улицей и Крепостным мостом, мимо беленой Ондриевой башни и невольно вглядывалась в лица горожан. Теперь ей казалось, что почти каждый

прячется от одиночества за чинными манерами и неспешной прогулкой. Каждый вечер стремится оказаться в гуще людей, тем не менее, и в толпе оставаясь одиноким. Как многолико это чувство, человек одинок не только вдали от людей, но и в семье, и среди толпы! В скольких книгах и песнях говорится об этом! Любая грань этого навязчивого чувства прочувствована, описана и оплакана...

Лена перешла мост, свернула на Архиепископскую улицу в старую часть города. Тесная улица, узкие фасады, деревянные ставни. Здесь было спокойно, уютно и тепло. Старое дерево дверей казалось живым, вывески кабачков словно были рады девушке. Наверное, об этом и говорил трубочист – мы сами наполняем мир жизнью. По приезду город казался пустым и враждебным, а теперь милым, полным красок и жизни.

На Старой площади, как и в прежние времена, уличные артисты и музыканты развлекали прохожих и туристов. Играли флейты, звенела гитара, акробаты ходили на руках и взлетали кольца жонглеров. Лена остановилась возле пожилого шарманщика, его инструмент был стар и расстроен, больше скрипел, чем играл, но публика толпилась вокруг и кидала в шляпу монетки. Лена подумала, что вот она смотрит на этого человека, на его потертый кожаный пиджак, раскохшийся инструмент и мятые штаны с пузырями на коленях, и у нее уже создается какое-то впечатление о его характере, возникает определенное к нему отношение. Если они

вдруг разговаряются, она будет вести себя в соответствии со сложившимся впечатлением и ожиданиями, и ей придется менять мнение об этом человеке. Из безымянного шарманщика он превратится в другой образ – хорошего знакомого Александра Никитича, подрабатывающего на площади. Но какой из этих образов истинный? Как узнать, каков этот человек на самом деле?

Над площадью прокатился негромкий перезвон. Оставшиеся в строю туристы выхватили фотоаппараты и смартфоны и нацелились на Старую ратушу. Лена подняла глаза и охнула. Как она могла забыть! Львиные куранты! Самая главная достопримечательность площади и самые любимые сказки детства!

Лена шагнула вперед, не отрывая взгляда от часов. Куранты гордо блистали золотом под шпилем стройной ратушной башни, механические львы били в бронзовые колокола по бокам от циферблата. Это были очень необычные часы, о чем экскурсоводы с гордостью сообщали туристам. Молва приписывала их создание самому Ондрию Лопате, называя его при этом на немецкий манер Генрихом, хотя историки в один голос твердили, что это невозможно – во времена основателя города никакой ратуши не было и в помине. Странной была тематика курантов – механические фигурки рассказывали истории из жизни далекой отсюда саванны. Среди героев часов были «Львица», ее дочь «Львенка», их свита и «Бешеный Кролик». Были и проходные персонажи – ковар-

ные гиены, итальянец «Волк», японская «Лисичка» и другие. Горожане рассказывали детям истории, построенные на молчаливых пантомимах разыгрываемые фигурками часов, которые с каждым годом обрастали все новыми деталями. Но не мог же создатель часов знать про обитателей центральной Африки, куда европейцы проникли не раньше восемнадцатого века! Однако самым главным чудом было движение кукол. Они были такими свободными, что фигурки казались живыми.

Сейчас стрелки указывали половину восьмого часа, а значит, в разгаре была одна из любимых Леной историй. Она смотрела на открывающиеся под перезвон колоколов створки над циферблатом и вспоминала далекий голос тети: «Однажды в Саванну прибыл Медведь. Это был настоящий Медведь из северной тайги. Он решил открыть Великий Медовый путь в эвкалиптовые леса Австралии. И, конечно же, взял с собой огромную бочку меда, чтобы торжественно отметить открытие отношений с братским народом сумчатых мишек коал. По каким-то своим соображениям он решил прокладывать путь через африканскую саванну, куда и прикатил бочку. Он явился ко двору Львицы, и рассказал о грандиозности затеянного предприятия. А потом они долго пиروвали, и Медведь загорелся новой идеей – решил разводить в тайге завезенных из Саванны бешеных кроликов. Медведю так понравился новый замысел, что он отправился в путь уже на следующий день, но больше его никогда не видели». Лена

улыбнулась, прибытие Медведя ко двору Львицы разыгрывалось ровно в семь часов.

А сейчас была другая часть истории – Львица обнаружила оставшуюся после Медведя огромную бочку меда. Из раскрытых дверок над циферблатом выехала бочка, лежащая на боку. Навстречу ей вышагивала Львица. Встретив бочку, кукла обрадовалась, тронула ее лапой, вытащила зубами пробку, попробовала просунуть внутрь нос и озадаченно села. А потом стерла лапой с носа мед и облизала. И улыбнулась. Мед ей понравился. Львица под села к бочке поближе и сунула коготь в дырку от пробки. Фигурка уехала в левое окошко, дверцы закрылись, прозвучали еще несколько ударов колоколов, и все стихло.

Как рассказывала история, мед так понравился Львице, что она пропала на несколько дней. Никто не знал где ее искать, и в Саванне разразился настоящий государственный кризис. Только много дней спустя молодой лев из числа праздношатающихся случайно наткнулся на бочку и доложил свитским львицам. Те снарядили целую делегацию, и когда они прибыли к правительнице, Львица ужасно обрадовалась. Она вылезла из бочки наружу, ничуть не стесняясь слипшейся от сладкого шерсти, и сообщила, что меда, к сожалению почти не осталось, но если кто хочет облизать стенки, она даже подержит бочку, чтобы та не качалась.

Лена захотелось остаться до восьми часов и посмотреть эту историю до конца. Соблазн был велик, однако, ждал ка-

нал на Монастырском бульваре. Надо было успеть до темноты.

Мысли Лены вновь вернулись в старое русло. Она смотрит на фигурки и думает о них, как о живых. Она смотрит на людей и тоже создает свой образ их личности. Так чем же создаваемые нами образы других людей отличаются от образов предметов? Только тем, что предметы не говорят и не движутся? По словам трубочиста, получается, что ничем. Она вспомнила, как в детстве разговаривала с куклой и боялась журнального столика в гостиной, ведь у него были острые углы, о которые она не раз ушибалась. Вот и часы эти... Значит, только от нас зависит, каким мы видим мир? Только в нас ключ к чувству одиночества? Если мы будем знать, что одиночества нет, то никогда его не почувствуем. Если же будем уверены, что оно есть, нам никуда от него не деться?

Она вышла к площади Трех крестов, населенной в это время лишь припозднившимися туристами, но не стала останавливаться. Все три собора разных конфессий она видела и раньше. Новые мысли не отпускали ее, хотелось продолжать путь по брусчатке и путь раздумий.

Как же действительно можно не думать об одиночестве, если с самого раннего детства нам столько об этом говорят? Лена представила: если бы Михаил был писателем, он бы наверняка написал книгу, о том, как женился, но даже в семье не нашел спасения от одиночества, от гнетущего чувства, которое не отпускает ни на миг. Он мог бы найти и другой путь,

например, пьянство. Но этот выход общество и мораль считает недостойным и недопустимым. Зато тихонько тосковать в семье, изображая счастье, полагается вполне нормальным.

Мимо кондитерской «фабрики Сибирова», чьи конфеты она так любила с самого детства, Лена вышла на Монастырский бульвар. Раньше здесь проходила городская стена, перед которой был ров. Позже стену разобрали, на ее месте построили дома и посадили деревья, ров заключили в трубу от улицы Северного вала до Императорского проспекта. А здесь ров оставили. Перекинули через узкий канал кованые мостики и расставили под деревьями скамейки. В детстве они с мамой часто приходили сюда и стояли на мостике, глядя на воду. Мама вертела в руках цветы и бросала лепестки в воду, а маленькая Лена смотрела вниз на медленное течение и была уверена, что если поплыть по этому каналу на лодке, то можно добраться до доброй сказочной страны, где всем хорошо.

Лена вышла на мостик и поглядела в воду. Как хорошо, что этот город такой старый! Как хорошо, что не меняется, и спустя полтора десятка лет можно встать на тот же мостик, у того же самого железного завитка парапета. Она улыбнулась и поняла, что может простоять тут долго, хотя и пора была уходить. Солнце зашло, и быстро сгущались сумерки. Трубочист наверняка уже ждет ее. Интересно, что он приготовит на этот раз? Как жаль, что сегодня его не было вместе с ней. Хотя почему не было? Вспомнив свои рассуждения о

странных идеях ночного гостя, девушка не могла отделаться от ощущения, что он был рядом, разговаривал, улыбался. Одиночества нет. Лена достала из кошелька монетку. «На всякий случай», – загадала она и кинула ее в воду.

Когда Лена вернулась домой, дядя еще не спал, сидел у камина с ликером. Девушка тихонько прокралась к себе и открыла дверь. Комната была пуста. Лена растерялась. Что же делать? Укладываться спать? Вдруг трубочист все-таки придет? А если не придет, все равно сидеть и ждать его?

Не определившись, Лена умылась, привела в порядок волосы, потом развернула стул и стала вглядываться в темноту за окном. Ей пришло на ум, что сидя перед камином у пустого кресла, дядя не был одинок. Он пил любимый ликер жены и был с нею в этот момент. Все самые теплые воспоминания о ней, все их совместное счастье было с ним. Эта мысль так понравилась Лене, что захотелось вскочить и поговорить с дядей, сказать, что она все поняла. Но, поразмыслив, решила его не беспокоить, а попытаться лечь и заснуть. В конце концов, с чего она взяла, что встречи со странным молодым человеком будут каждый день?

Лена разделась и легла в кровать. Хотя они с трубочистом ни о чем не договаривались, и он ничего не обещал, тем не менее, легкое чувство обиды не уходило. Собравшись с силами, она решительно отогнала его прочь и вспомнила вчерашний вечер и прогулку по крышам. Камешки, которые они кидали в море, толстые плитки черепицы, желтый свет меж-

ду ставен чердачных окон, и рассказ про маленькие горные цветы на крышах.

Девушка уже спала, когда ночной гость присел на край кровати, положил руку на ее плечо и прошептал на ухо:

– Лена...

Она заворочалась.

– Вставай, – позвал он, – уже ночь, и нам пора идти...

Девушка открыла глаза и перевернулась на спину. Все тот же старомодный сюртук, вновь застегнутый на все пуговицы. Лена вдруг пожалела, что он постоянно носит одно и то же.

– Это ты?

Трубочист кивнул.

– Я думала, ты не придешь сегодня, – потянулась Лена, заведя руки за голову.

– Я здесь. Ты хочешь, чтобы я ушел?

– Нет, – ответила она и подтянула одеяло к подбородку. – Не хочу.

Они помолчали, глядя друг другу в глаза и улыбаясь.

– Ты ведь что-то сказал мне? – наконец проговорила она.

– Да. Уже ночь и нам пора идти.

– Какое странное предложение. Сомнительное время для прогулок. И куда же мы пойдем?

– Увидишь. Одевайся.

– Раз уж ты решил поднять меня с кровати в разгар ночи, давай я так и пойду. В одеяле!

– Получится забавно, – согласился трубочист. – Только

тебе будет неудобно.

Девушка сложила руки на груди и покачала головой. Впрочем, в прошлый раз была прогулка по крышам. Если в этот раз будет нечто в том же духе, это стоит подъема из кровати.

– Отвернись, – попросила она.

Трубочист сел на стул у стола, спиной к девушке. Лена вылезла из кровати, натянула джинсы и свитер, достала из сумочки зеркальце и осталась крайне недовольной своим внешним видом.

– Мы спешим?

Трубочист развернулся на стуле и покачал головой:

– Ты можешь делать все, что только захочешь.

– Отлично! – Лена резко развернулась и отправилась в ванную.

Трубочист улыбнулся вслед.

Через двадцать минут она вновь появилась в комнате. Она могла бы закончить и раньше, но очень уж хотелось из мелкой вредности заставить его подождать, как она ждала сегодня весь вечер.

– Замечательно выглядишь! – заметил трубочист.

Лена пожала плечами.

– Мы идем? Опять через трубу?

– Ну что ты, – улыбнулся трубочист. – Через дверь гораздо удобнее.

Пока они спускались по лестнице, Лена немного смуща-

лась, как она будет выглядеть рядом со столь странно одетым человеком? Что о ней подумают прохожие? Однако в поздний час улицы оказались пустынными.

Трубочист сразу же свернул на Королевскую улицу. По сию пору эта улица была самой дорогой, хотя и оставалась такой же узкой и кривой, как и остальные в старом городе. Зато здесь были магазины с сияющими витринами, рестораны и роскошная гостиница «Королевская». Из людей встретился только важный толстый швейцар в ливрее перед гостиницей. Завидев трубочиста, он приподнял шляпу рукой в белой перчатке и склонился в глубоком поклоне. Лена тихонько хмыкнула, трубочист кивнул швейцару и подмигнул ей.

На Старой площади она обвела взглядом непривычно пустое пространство, красноватые в свете фонарей булыжники мостовой. Ночью без людей площадь казалась больше, а полускрытые тенями дома значительней и серьезней. Трубочист молча шел рядом, а Лена думала, что все-таки стесняется идти рядом со столь архаично одетым спутником. Если бы он был одет не столь экстравагантно, было бы спокойнее.

Звякнули колокола над Ратушей. Лена посмотрела на куранты и остановилась. Часы показывали четверть второго часа. Открылись створки, и из правого окошка выехал трон Львицы. Впрочем, самой ее не было видно, зато на троне, нагло развалившись, спала маленькая Львенка, а под троном, сложив уши, притулился Бешеный Кролик.

Трубочист посмотрел на девушку и улыбнулся. А Лене ку-

ранты напомнили о вечерних размышлениях.

– Ну как, – вполголоса проговорила она, – сегодня ты не будешь меня поучать?

– О чем ты?

– О твоей философии, про одиночество.

– Надо? – усмехнулся он, сворачивая направо от здания суда.

Лена остановилась, глядя на очень узкую улицу без тротуаров, полутемную и страшноватую.

– Все-таки это стало традицией за последнее время, – де-вушка пожалала плечами и пошла за трубочистом.

– Традиция... – хмыкнул он. – Хорошо. Давай задам один вопрос и закончим на этом?

– Давай!

– Скажи. Если бы человеку никто никогда не рассказывал про одиночество, он бы его все равно чувствовал?

Лена улыбнулась. Ответ на этот вопрос она уже знала. Ощущение, что трубочист и впрямь был с ней сегодня вечером, усилилось. Она посмотрела в его лукавые глаза и не сдержала улыбки. Он подмигнул.

Через несколько шагов трубочист остановился перед узенькой витриной, закрытой тяжелым деревянным ставнем и дверью с жестяной вывеской «Товары».

– Креативное название, – улыбнулась Лена. – Это что, магазин?

Он кивнул и несколько раз ударил в дверное кольцо.

– А чем тут торгуют?

Трубочист широко улыбнулся.

– Всем, чем нужно, – он чуть подумал и добавил, – кроме книг.

Лена собралась задать еще вопрос, но в этот момент дверь приоткрылась. На пороге обнаружился помятый молодой человек в рваных джинсах и заляпанной майке. Рябое лицо, кольцо в носу, беломорина в углу рта, короткие волосы выкрашены как шерстка трехцветной кошки.

– И? – поежившись, спросил он и выпустил клуб дыма.

– Привет, – сообщил трубочист.

– Тебе чего? – трехцветный парень выудил изо рта папироску и критически ее осмотрел.

– «Маяковской».

Парень зевнул, сунул руку куда-то за дверь и выудил темную бутылку.

– Ага, – сообщил трубочист, оглядывая ее с видимым удовольствием. – Ну, мы пошли.

Хозяин магазинчика кивнул и вяло поинтересовался:

– А деньги?

– Завтра занесу! – отмахнулся трубочист. – Ты же меня...

– Знаю, ага, – мрачно кивнул парень, и захлопнул дверь.

И они пошли дальше по улице.

– Ты что, купил водку? Без пьянства нельзя? – неодобрительно скривилась Лена.

– Водку? Почему ты так подумала?

– «Маяковская» – вполне подходящее название для такого напитка.

Трубочист засмеялся и показал бутылку с сине-белой этикеткой.

– Это же «Северная Гавань»! – не меньше прежнего удивилась девушка.

– Да.

– А почему ты ее назвал «Маяковской»?

– А вот это, – многозначительно сообщил трубочист и даже поднял палец, – он объяснит тебе сам!

– Кто «он»?

– Увидишь.

На следующем перекрестке он свернул направо, потом налево, и так еще несколько раз. Лена уже совершенно не представляла, где они находятся. Пройдя во двор какого-то дома, он остановился перед спуском в полуподвал. Внизу около двери стояла двухметровая деревянная лестница, а над нею горел в жестяном корпусе фонарь. Девушка с удивлением обнаружила, что в нем вместо привычной электрической лампы помещалась масляная лампадка, и живой огонек плясал, разбрасывая неровные отсветы.

Трубочист спустился по ступенькам и открыл незапертую дверь.

– Пришли, – сказал он и улыбнулся. – Будь вежливой, мы в гостях.

Хозяином дома оказался высокий худой старик. Несмотря

на поздний час, он был одет в брюки и пиджак, правда, весьма потертые. У него были жилистые руки и ноги, и твердые складки вокруг рта, но при этом замечательно теплые глаза. Правда, это тепло тщательно скрывалось за ворчливым голосом. Он пожурил трубочиста за поздний визит, за неуважение к его сединам, за то, что промозглой ночью таскал по улицам такую милую девушку. Трубочист назвал имя Лены, а хозяина представил как «фонарщика». Тот с удовольствием принял подаренный бальзам, но опять наворчал, что его принимают за старого алкоголика, которому ничего кроме выпивки и принести уже нельзя. Трубочист улыбался в ответ, словно вернулся домой после дальней дороги. Лену усадили за крохотный, истыканный ножом деревянный стол и налили чая с ежевичным вареньем.

– Вот! – тихим потрепанным голосом заявил фонарщик, отпивая бальзам из пузатой керамической кружки. – Я говорил, никто уже и не помнит, что это за напиток! Кому пришло в голову, что нельзя придумать благозвучное название?! «Смотритель маяка»! Чем плохо? Или «Старый маяк»? А! Я тебе расскажу, девочка, что это такое на самом деле. А то ведь уже никто кроме меня и не расскажет. Что ухмыляешься, трубочист? Да, знаю я, знаю, что вы бальзамчик «Маяковской» кличете, а что толку? Все одно никто ничего не помнит. Так вот девочка, маяк над Сосновым заливом видела? Вот. Лет сто пятьдесят назад был там смотритель, он же и лоцманил потихоньку. Ох, же его капитаны да матросы

любили! Верили, что он может провести корабль к гавани, что бы ни случилось. Если по дороге домой было туго, потом всегда заходили к нему с благодарностью. Сначала, конечно, свечку в Никольском соборе ставили, а потом к смотрителю шли. Подарочки ему всякие привозили. А он их своей настоечкой угощал. Замечательная у него была настоечка, один Бог знает, чего он на самом деле туда клал. Но уж как она согревала! Сделаешь глоток, и сразу чувствуется – вернулся домой. После этой настоечки морячки еще три дня кряду гуляли и с ног не падали. Вот так вот. А потом, когда завод этот, «Элику», построили, смотритель уже старый был, они попросили у него рецепт. Он бы его и даром отдал, добрый был, но они ему заплатили за него большие деньги, честь по чести. Правильно сделали. Только название... Решили почему-то, что со словом «маяк» ничего благозвучного не придумаешь, и приляпали «Северная Гавань». Оно может и правильно, все ж таки того, смотрителя, рецепта они придерживаться все равно не смогли, что-то проще сделали. Так что уж... Давай, спроси меня, что ж я его тогда пью, раз ругаю. А я отвечу, что пью, потому что помню. Так-то.

Лена слушала, и ворчание старика и казалось милым и забавным. Обхватив ладонями кружку, она оглядывала маленькую комнату фонарщика. Низкие своды, полукруглое окошко под потолком, газовая плита в одном углу и узкий топчан в другом. Протянутая наискосок через комнату веревка, на которой сушилась белая льняная рубашка и носки.

Черный цилиндр, аккуратно водруженный на полку у двери. А еще бутылки с маслом около кровати. Ею владело удивительное ощущение... она сидит за столом с трубочистом и фонарщиком, и при свете электрической лампочки пьет чай приготовленный на газовой плите.

– Послушайте, – осмелилась спросить она, – а скажите... вы и правда фонарщик? Масляных фонарей ведь давно нет! Или вы что, меняете лампы в фонарях?

Старик расхохотался и хлопнул трубочиста по плечу, но быстро посерьезнел, пошевелил своим большим носом, и, опершись на острые колени, покачал головой:

– Нет, твоя правда! Я всегда говорил, что не может довести до добра канитель с электричеством! Вот уже молодежь, славная и симпатичная, не знает, для чего нужны фонарщики! Электричество, это все, конечно хорошо. Но погляди-те, – он раздраженно махнул в сторону крохотного окошка, – что это за свет? Тепло в нем? Уютно? Нет! Огонь должен быть живым! Живым должен быть. Теплым. Человек должен видеть живой огонек. Чтобы на узкой улице понимать: кроме него в темноте тоже есть жизнь. Он не одинок здесь. Разве может согреть этот новомодный свет? Нет. Только живой огонь. Слабенький, крохотный такой язычок света на улице. И человек. Вот так я скажу! Вот так вот.

Лена слушала, и, конечно же, могла возразить, рассказать, как трудно ходить на каблуках по темным мощеным бульваром улицам при сомнительном свете масляной лампы. Од-

нако не стала. Ей хотелось слушать и греться, сидеть в этой маленькой комнатке в желтых лучах лампочки, свисающей с потолка на голом проводе, слушать ворчание фонарщика и ответы трубочиста.

И она сидела, смотрела и слушала.

Гостили они долго, наконец, чай остыл, а варенье в хрустальной вазочке кончилось. Фонарщик развел длинными руками и заявил, что увы, пора прощаться.

Когда Лена и трубочист вышли на улицу, она оглянулась и заметила, что теперь смотрит на дверь, прислоненную к стене лестницу и на масляный фонарь уже совсем по-другому. Теперь они означали уют крохотной комнаты в полуподвале, чай с ежевичным вареньем, и ворчание старого нескладного фонарщика.

Они молча пошли обратно по узким улицам. Молчание нисколько не мешало, наоборот, Леной овладело какое-то блаженное состояние, когда спокойно и легко думается обо всем и ни о чем одновременно.

Через пару кварталов трубочист остановился и указал на стену дома:

– Видишь?

Сначала ничего особенного она не заметила. Обычная стена, узкий фасад, выкрашенный веселенькой розовой краской, жестяной фонарь, укрепленный к стене. Фонарь! Он был настоящим! За мутноватым стеклом трепетал маленький неверный язычок пламени! Лена взволнован-

но вздохнула. Как же так?! Неужели странный фонарщик и впрямь зажигает фонари?!

– Вот там, – трубочист развернулся и указал на окно второго этажа дома напротив, – живет вдова. Ее муж-моряк давным-давно не вернулся из рейса. Но она каждый день ходит в часовню Девы Марии и ставит свечку в память о нем. А фонарщик зажигает для нее этот огонь, чтобы ей было не так тоскливо.

Лена поглядела на темное окно с непременно ящиком для цветов и кружевными занавесками. По ту сторону стекла сидела белая кошка и равнодушно смотрела на улицу. А потом девушка вновь взглянула на фонарь. Сразу представилось, как зимой по этой темной улице идет старая женщина, а впереди горит этот фонарь, такой же зыбкий и дрожащий, как огни судна в тумане. А потом она сидит у окна и смотрит на огонек, и кошка спит рядом, свернувшись на подоконнике. Представился и фонарщик, каждый вечер заботливо подносящий пламя к фитильку. Лена чуть отступила назад, так чтобы трубочист ее обнял.

– А он... она ведь ему нравится? – спросила девушка, не отрывая взгляда от мерцающего огонька.

– Да. Я думаю, он ее любит. Как может.

– Он ей скажет? Когда-нибудь?

– Не думаю, – Лена почувствовала спиной, как трубочист поежился. – Известно же, что фонарщиков давно не существует.

Они еще постояли, вместе с кошкой глядя на огонь, а потом пошли домой. Трубочист молча проводил Лену до квартиры, она открыла дверь и попросила:

– Останься.

Она лежала рядом с трубочистом, положив голову ему на грудь. В комнате было темно, и через огромные окна были видны звезды над Ондриевой башней.

– Хорошо, правда? – спросила она.

– Замечательно, – согласился трубочист.

– Интересно, – она поудобнее устроила голову, – как я смогу жить здесь? Город мне нравится, но все так непривычно... рынок на Рыбном пирсе, всего два кинотеатра...

Он вздохнул:

– Ты не останешься здесь.

– Ты что, поедешь со мной туда?

– Нет, – трубочист погладил волосы девушки теплой жесткой ладонью. – Ты поедешь туда одна.

– А как же ты?

– Я не нужен тебе.

У Лены внутри все вдруг оборвалось, как будто кто-то сильно сдавил ей грудь.

– Как это?! – спросила она, привстав на локте и требовательно глядя на трубочиста.

– Очень просто. Тебе нужен другой.

Он лежал на спине и говорил это так спокойно, так уве-

ренно... в один миг он стал омерзителен.

– А как же?!.. – Лена уже не понимала, что делать, что говорить. – Но ведь я!.. А что же было сегодня ночью?

– Сегодня была одна из самых прекрасных ночей в нашей жизни, – он отвечал все так же спокойно, вкрадчиво, мягко.

– Тогда что ты такое говоришь?! С чего ты взял, что можешь решать что-то за меня?!

Трубочист положил пальцы на ее губы и проговорил:

– А почему ты думаешь, что мы могли бы быть вместе? Тебя ведь на самом деле раздражает, что я все время хожу в этом сюртуке и цилиндре, что появляюсь, когда вздумается. Что ты даже не знаешь моего имени! С чего ты взяла, что дальше мы будем жить долго и счастливо? И зачем этими ненужными ожиданиями все портить?

– Что портить? – оторопела она.

– Эту ночь! Разве она была плоха? Нет, нам было хорошо! Нам было замечательно сегодня, почему же в итоге нам должно быть плохо от того, что завтра замечательно уже не будет?

– Я поняла, – покивала она. – Поняла. У тебя и для этого есть целая теория... ну давай. Излагай.

Трубочист сел на кровати и потянулся за одеждой.

– Почти каждая девушка мечтает быть спасенной. Довольно банальный сюжет: красавица в опасности, появляется принц, спасает ее и... они живут долго и счастливо. Большинство девушек усваивает именно этот момент – «долго и

счастливы». Когда появляется «спаситель», они влюбляются в него и ждут, что тот останется с ними навсегда. А ведь на самом-то деле спасение этого вовсе не означает! И когда они расстаются, принц оказывается виноват в том, что не было «долго и счастливо», что на душе лишь горечь расставания и ощущение, что тебя обманули. А если бы этих ожиданий не было, запомнилась бы только прекрасная встреча.

Трубочист застегнул рубашку, встал и взял сюртук с поясом.

У Лены внутри была только гулкая пустота. За что с ней опять так? Почему именно с ней?!

– Убирайся!

Он покачал головой, развернулся и пошел к камину.

Лена села на кровати, подтянула колени и закуталась в одеяло. Вновь и вновь она повторяла про себя одни и те же вопросы, не находя на них ответа. Хотелось плакать, и было горько и гадко.

Утро оказалось отвратительным. За окном было серо, и шел дождь. Ужасно не хотелось вставать и куда-то идти, но спать тоже не хотелось. Лена умылась, вышла на кухню и обнаружила, что пришла раньше дяди. Есть не хотелось совсем, и она вяло пожевала бутерброд с сыром, запивая его дурно приготовленным кофе. Тускло подумала, что не любит пить по утрам кофе и ненавидит бутерброды с сыром. Настроение не поднялось даже при виде дяди, приятно удив-

ленного наличием нормального завтрака вместо пельменей. От его хорошего настроения девушке стало еще хуже.

Когда они вышли на улицу, дождь не прекратился. Дядя держал зонт над Леной, и она шла, уткнув взгляд в серый асфальт. Впрочем, глядеть все равно было не на что. Спрятавшиеся под зонтами горожане не спешили приветствовать друг друга и раскланиваться, торговцы жались в лавках, не решаясь выставить прилавки на улицы. Под козырьком одного из подъездов сидел вымокший пес и провожал взглядом прохожих с зонтами.

На работе ее встретили затравленные глаза Михаила и напускная бравада Павла. От этого Лене стало совсем плохо: навалились озноб, тошнота, слабость. Захотелось отгородиться от мира толстенной каменной стеной. Ей предложили уйти домой, но из чувства противоречия она отказалась, вспомнив, что сегодня приходит поставка, за которой дядя просил проследить. Паша утверждал, что прекрасно справится сам, но она упорно мотала головой и твердила, что все равно пойдет в порт.

Избавиться от общества Павла не удалось. В порт они вышли заранее, потому что Лене хотелось подышать свежим воздухом. Паша воспрянул, истолковав это как повод продолжить ухаживания. Галантно, как ему казалось, он раскрыл над ней зонт, а на Крепостном мосту махнул рукой в сторону замка и заявил:

– Это гордость нашего города! Замок на Ондриевом ост-

рове! По легенде именно здесь...

Лена бросила на него холодный взгляд:

– Не надо экскурсий!

Не обращая внимания на ее состояние, Паша залепетал:

– Ну что ты, мне просто очень приятно рассказать тебе про мой любимый город.

– Глупости! – перебила она. – Ты его ненавидишь!

Павел оскорбился и начал спорить, упомянул про известный снобизм столичных жителей, считающих, что все провинциалы просто мечтают перебраться в центр. Однако в глубине души с горечью признал, что девушка, в какой-то мере права. Он не любил родной город. Хотя и не особенно стремился отсюда уехать.

Лена шла, обняв себя за плечи, и совершенно его не слушала. Это было тем легче, что негромкие слова почти сливались со стуком капель в купол зонта. Когда они прошли через Федорову площадь, Павел решил, что она мерзнет, и предложил свой пиджак. Лена криво усмехнулась – мужской пиджак на ней? Нелепо и бесполезно. Нет.

Происходившее в порту она запомнила плохо. Павел водил ее по каким-то административным зданиям, они разговаривали со служащими, сидели в коротких очередях, проходили мимо железнодорожных путей, контейнеров и сложенных огромными штабелями товаров. От дождя все стало сырым и таким неприятным, что Лена не хотелось всего этого видеть.

Лишь под конец мероприятия Лена бросила взгляд на портовые краны, серо-стальные волны, на дымку, скрывающую горизонт, и подумала, что в другом настроении бродила бы здесь, с любопытством разглядывая тяжеловесные суда и деловитых людей. Каждая мелочь порта вызывала бы живейший интерес. От этой мысли стало чуть легче. Исползволь она принялась разглядывать суетливый даже под дождем порт. Какой-то невысокий крепкий человек в брезентовом плаще поймал ее взгляд, лукаво подмигнул, и против воли Лена улыбнулась.

Они вышли из порта и отправились обратно в контору. Лена все думала. Собственно, почему она должна страдать? К чему ей это гнетущее чувство одиночества? От нее отказался какой-то неизвестный нелепый тип, полный напыщенных нравоучений? Ну и что! Вот рядом идет человек, который уже голову в кровь разбил о стену ее неприступности. Стоит только дать ему понять, что она согласна быть с ним, и все кончится. Никакого одиночества! Она опять будет нужна кому-то! Она уже нужна!

Они вновь проходили мимо памятника генералу на Федоровой площади, когда Паша предложил:

– Могу ли я пригласить тебя сегодня на обед?

– Это такое романтическое свидание в сопровождении Миши, Васи и всех-всех-всех?

– Нет, что ты, – улыбнулся Павел, – Миша сегодня в обед на улицу Жестянщиков едет, повезет в починку флюгер. А

остальных не возьмем. Будем только вдвоем!

– Флюгер? Он разве живет в Старом городе?

– Нет, – покачал головой Павел. – На Флотском проспекте.

– Но там же большие дома? Многоквартирные?

– Да, – подтвердил Павел и добавил, поняв, что именно показалось ей необычным. – У нас на всех домах стоят флюгера. Даже на панельных.

– Но зачем?

– Есть старая легенда, – довольный Паша затынул паузу, ожидая просьбы продолжить рассказ.

– Какая легенда? – спросила Лена и взяла его под руку.

Теперь, когда она разговаривала с Павлом, стучащий по куполу зонта дождь уже не был так слышен. Мир сузился до пространства под зонтом, до плеча ее высокого спутника, стал маленьким и уютным и даже, как будто, не таким сырым.

– У нас в городе верят, что есть... точнее не так... Ты слышала когда-нибудь про Белую Чайку?

– Слышала: это ликер, ресторан и гостиница. По всему городу про нее постоянно упоминают.

– Да. Так вот, у нас верят, что существует особая чайка, Белая, и если она присядет на флюгер на крыше, то принесет в дом удачу, счастье, благополучие... и вот чтобы это случилось, надо чтобы Чайке было куда сесть. Поэтому над каждой крышей ставят флюгера.

– А, по-моему, чайки все белые, – пожала плечами Лена.

– Обычные чайки все-таки серые с черным и белым, – улыбнулся Павел, – а эта – совсем белая.

– И что, ее кто-то видел?

– Люди верят, что она существует. Ну разве это не здорово, что над каждой крышей высится флюгер?!

Лена промолчала.

– Что скажешь насчет обеда?

– А давай! – кивнула она.

Павел расцвел:

– О, я необыкновенно благодарен за оказанную честь, сударыня! Уверен, это свидание станет незабываемым для нас обоих!..

Лена чуть нахмурилась, эти манеры Павла раздражали.

Они зашли на работу, оставили документы. Павел не удержался и объявил, что добился свидания. Миша проводил их тоскливо-завистливым взглядом, а Вася ехидным голосом сказал что-то, что Лена предпочла не слышать.

Поскольку есть не очень-то хотелось, решили идти не в обычный кабачок, а в легендарную карамельную мастерскую Хейзнера, тем более, что Лена давно хотела там побывать. Это было очень старое заведение. Первый кондитер открыл свое дело еще в восемнадцатом веке. Тогда на весь город были известны его пралине, марципановые фигурки, а еще чудесные ореховые пирожные, которые делала его жена. Потом старый мастер ушел на покой и бережно передал рецепты сыновьям и дочери. Старший сын оправдал надежды отца и

развернул семейное дело как следует. Однако в середине девятнадцатого века открылась кондитерская фабрика Сибилова. Это была очень хорошая фабрика, ее шоколад и конфеты были не хуже, а в чем-то и лучше карамели Хейзнеров. В итоге старое семейное дело так и осталось маленьким предприятием. Теперь потомки Хейзнеров держали при мастерской маленькое кафе, где продавали легендарные марципаны, пралине и пирожные.

Кондитерская находилась в Старом городе, на углу Маркиной улицы, недалеко от Трех крестов, и пока они шли под дождем, Лена окончательно промочила ноги и немного замерзла, успев пожалеть, что согласилась на свидание. Но вот они, наконец, достигли цели, и Павел распахнул перед ней дверь под кованой вывеской. Лена вошла, усмехнувшись про себя. По старым правилам, если дама в ресторан входит первой, значит, именно она платит за обед.

Внутри было очень тепло и сухо, хотя и тесновато. За одним из пяти круглых столиков сидела аккуратная старушка и самозабвенно поела воздушное пирожное. Справа под стулом улеглась небольшая черная собака, будто отдыхающая после обеда. А еще были огромные стеклянные витрины у стойки, в которых лежали на полках карамель и помадки, разноцветные фигурки и различные пирожные. В глазах зарябило от такого разнообразия, а ноздри защекотал сложный и очень аппетитный запах пряностей.

Они сели за столик, и Лена не преминула отметить про

себя, что Павел не пододвинул ей стул. Мужчина за стойкой тут же подошел к столику и замер, терпеливо дожидаясь заказа.

– Что будешь заказывать? – проговорил Павел, наклонившись через столик.

– Откуда мне знать? – удивилась девушка, – я здесь в первый раз!

Бармен пожал плечами.

– Вон все на витрине, – проговорил он и не очень ловко улыбнулся.

– Подойдем? – предложил Павел и привстал.

Лене вставать не хотелось. Она улыбнулась бармену и попросила:

– А что бы вы порекомендовали?

Он опять пожал плечами:

– Я не знаю, что вам нравится. Давайте... вы выберете, что будете пить, и я что-нибудь подберу.

Лена кивнула.

– Может быть «Елизавету»? – тут же игриво предложил Павел.

Девушка покачала головой, уж что-что, а «ликер для флирта» пить не хотелось.

– У вас есть «Мятный родник»? – спросила она.

Бармен кивнул и на этот раз улыбнулся гораздо теплее.

– Тогда давайте «Мятный родник», а потом черный чай. «Даржилинг» есть?

– Конечно, – кивнул бармен. – Тогда я предложу сначала пралине «Снег в июле», а к чаю персиковые пирожные с миндалем.

– Прекрасно! – согласилась Лена.

Павел заказал черничный пирог и чай с «Северной гаванью», бармен предложил добавить в чай более подходящий «Старый замок», но молодой человек настоял на своем. Лена покачала головой. Такой заказ можно было сделать и в любом другом кафе. Впрочем, было приятно, что ради нее Павел согласился вместо обеда пойти в кондитерскую.

Бармен довольно быстро принес рюмку с ликером и тарелочку с конфетами. Над столом тут же запахло мятой. Она подняла рюмку и пригубила напиток. И сахар, и спирт почти не чувствовались, зато вкус... Ей сразу стало свежо, как будто он сидела в жаркий летний день на изумрудно-зеленом склоне у берега прохладного ручья.

– Так ты говорил, что Павловский бастион твой? – решила она подтолкнуть затихшую беседу.

Павел снисходительно ухмыльнулся:

– Всем говорят, что Павловский бастион назван в честь императора Павла. Поэтому и церковь поставили в поминание его святого покровителя – апостола Павла. Но на самом деле все не так. Штука в том, что у главного строителя бастиона был сын, и звали мальчика как раз Павлом. А коменданту он заговорил зубы, чтобы назвать бастион в честь императора, хотя тот уже лет пять, как был покойным. Из-за этого в

нашей семье так дальше и продолжается, старший сын всегда Павел. Так что мой это бастион! А церковь...

Молодой человек все говорил и говорил, но Лена почти не слушала его. Она слышала запах мяты и перед глазами стояла совсем другая картинка: сумеречная комната, серый свет льется через большие окна и четко очерчивает прямую спину, затянутую в тесный сюртук, на краю стола лежат черный цилиндр и проволочные очки.

Зачем она вообще оказалась здесь? Ей интересен этот молодой человек? Нет. Очень хочется быть в его обществе? Нет. Если бы не он, само посещение кафе принесло бы гораздо больше удовольствия. Так зачем она с ним? Только чтобы не быть одной. Только чтобы не чувствовать гнетущей пустоты внутри. Но ведь ей-то это не нужно. Одиночество? Его нет!

Она посмотрела вбок, на собаку. Та положила голову на лапы и смотрела Лене в глаза.

Ее бросили? Пусть так! Но это еще не повод, чтобы болеть одиночеством. Она никогда не будет одна, ведь всегда есть еще что-то. Восхитительные пирожные и душистый чай, теплый взгляд незнакомой собаки и улыбки горожан на улицах. Флюгера над черепичными крышами. И она сама. Одиночества – нет.

Лежавшая на полу собака встала, мотнула ушами и вышла из кафе, открыв носом дверь.

Когда принесли чай и пирожные, Лена окончательно ре-

шила, что Павел ей не интересен и не нужен. С ним было не о чем говорить. Павел тоже чувствовал себя неудобно, откинулся на стуле, достал свою дареную зажигалку глянул на дверь, явно прицелился покурить. Лена понимала, что таким образом он хочет вернуть себе утраченную уверенность, но ей не нравился табачный дым и запах от только что покурившего человека. А ведь она только-только успела попробовать замечательно вкусное воздушное пирожное и оценить душистый чай. Все тонкое смешение запахов над столом вмиг разрушилось бы. Она почувствовала себя свободной от ненужных светских правил.

Девушка вытерла губы салфеткой и встала из-за стола.

– Заплати, – сказала она и вышла.

Только перед дверью остановилась и благодарно улыбнулась бармену.

На крыльце кондитерской Лена обнаружила, что собака никуда не ушла, а все стояла, как будто раздумывая, куда пойти. Животина подняла голову, и посмотрела в глаза девушке. Лена улыбнулась. Дождь кончился, и мокрые камни блестели под выглянувшим солнцем.

Собака опять опустила голову, глянула в одну сторону, в другую, повернула налево и неспешно потрусил по пустой улице.

За спиной хлопнула дверь, сжимая в руке зонтик, вышел Павел. Вжав голову в плечи, чтобы не задеть низкий козырек над крыльцом, он поглядел по сторонам. Ничего не сказав,

Лена повернулась и пошла вниз по Маркиной улице, на работу.

В контору она пришла уже в спокойном настроении. Паша на обратном пути вел себя на удивление тихо, не размахивал руками и не изображал галантность, хотя и не удержался от курения. Войдя в контору, он обменялся взглядом с Михаилом и сел на свое место. Девушки в соседней комнате, Света и Наташа, звонко хихикнули. Лена прошла за свой стол. Она не могла отделаться от ощущения, что никуда не уезжала, что это и есть ее обычная работа. Да и чем она отличается? Такой же офис... такие же проблемы... Лена грустно усмехнулась про себя. Все от чего она убежала, нашло ее и здесь.

Лена переложила пару листков, чтобы изобразить занятость, и бросила взгляд на погруженных в дела Михаила и Павла. Интересно, почему ей так не нравятся ухаживания на работе? Когда-то она мечтала, что именно на работе найдет свою верную вечную любовь. Представляла, как придет в новый коллектив, прекрасно одетая, с прекрасным макияжем, все улыбнутся, а он, тот самый, тоже улыбнется и скажет, что вот теперь все будет по-другому. А потом, прямо во время рабочего дня выйдет и принесет ей цветы. И она засмущается, а все будут удивлены. Дальше будет легко и просто. Ухаживания, прогулки, кино, и наконец... они будут жить долго и счастливо! И ведь так, в общем-то, и получилось. Она действительно поменяла работу и в первый день была одета лучше обычного и с отменным макияжем. И в обеденный

перерыв он сбегал за цветами, и она даже покраснела от смущения... только потом он все испортил. Бросил ее!

Неужели трубочист прав? Если бы она не мечтала, если бы сама не придумала красивую сказку с красивым концом, расстроилась бы она настолько? Да! Хотя... ведь она не ждала бы этого финала, принимала бы развитие романа таким, как есть... и когда все кончилось, было бы не в чем его обвинить, потому что он не обманул никаких ожиданий... В Лене боролись очень противоречивые чувства. С одной стороны, трубочист, возможно и прав, а с другой стороны, сама мысль, что он может быть прав, казалась оскорбительной.

А ведь Лена и впрямь мечтала, чтобы ее спасли. Чтобы она оказалась в большой беде, и рядом вдруг оказался бы Он, такой большой и сильный. Получается, она чувствовала себя обманутой сегодня ночью именно из-за веры в эту сказку. Из-за того, что трубочист отказался от выдуманного финала. Почему она вообще решила, что это возможно? Ведь спасти-то может кто угодно! Кто угодно может выполнить ключевую часть девичьих мечтаний, но не кто угодно подойдет для совместной жизни. Только сказке это безразлично: «долго и счастливо», и все тут.

Она погладила столешницу и решила, что устала от размышлений. Пожалуй, пришла пора попить чаю, только не с Пашей и Мишей. Лена встала и вышла в приемную.

Ольга Сергеевна оторвалась от компьютера и вопросительно посмотрела на девушку.

– Можно чаю? – улыбнулась Лена.

Секретарша благожелательно кивнула:

– Конечно, можно. Вон там, у шкафа чайник стоит, включишь?

Лена подошла к тумбочке и нажала на кнопку. Пузатое пластиковое устройство тут же зашуршало, разогреваясь. Девушка присела на диван.

– Растревожили тебя наши мальчишки? – участливо спросила Ольга Сергеевна.

Лена неопределенно качнула головой и задала вопрос, ответ на который, в общем-то, знала:

– Они ведь с каждой новой девушкой так себя ведут?

– Что поделать? – Ольга Сергеевна развела руками. – Ты с ними быстро разобралась, а Свету они очень побеспокоили.

Лена, решив, что такой разговор не стоит вести в полный голос, встала с диванчика и подошла к секретарской стойке.

– Свету? Из бухгалтерии?

– Да, – вполголоса, но не менее мелодично ответила Ольга Сергеевна. – Они оба ее совсем с толку сбили. Девочка даже уволиться хотела.

Лена распахнула глаза, удивляясь.

– А потом она все-таки...

Секретарша покачала головой:

– Нет. Потом Наташа пришла. Светочка плакала несколько дней.

Лена сразу представила, что заплаканная девушка прихо-

дила сюда, в эту же приемную, беседовала с приятной пожилой женщиной, крашеной в блондинку, и долго пила чай.

– Только что толку? – вздохнула Лена. – Все всегда оканчивается одинаково.

– Не скажи, Леночка, – покачала головой Ольга Сергеевна и поправила блузку. – Все очень по-разному бывает.

Лена подумала, что теперь ей расскажут какую-то историю из личной жизни, но секретарша замолчала. И как раз выключился вскипевший чайник. Ольга Сергеевна тут же поднялась:

– Ты садись, давай я за тобой поухаживаю.

Лене было несколько неловко, но она, тем не менее, вновь села на диван. Ольга Сергеевна достала из шкафа чисто вымытый заварочный чайник с розовыми цветочками, две кружки с названием фирмы, засыпала заварку. Видно было, что последовательность этих простых действий позволяет женщине собраться с мыслями, привести чувства в порядок.

Наконец чай был заварен. Ольга Сергеевна села рядом с Леной, поставила на столик перед диваном чайник и кружки, вазочку с печеньем, потом немного выждала и разлила напиток по чашкам. Лена поднесла кружку к губам, но отпить слишком горячий чай не решилась. Вместо этого она спросила:

– А вы замужем?

Ольга Сергеевна вздохнула и коснулась кончиками паль-

цев столешницы.

– Нет, Леночка, – покачала она головой. – Я вдова.

– Ой, простите!

– Ничего страшного, – Ольга Сергеевна взглянула на девушку и очень тепло улыбнулась. – Это было уже очень давно. Я, знаешь, много думала, что было бы, если бы все сложилось иначе. Мы бы наверняка со временем стали бы ссориться. И может быть даже... всякое могло быть. А я помню только хорошее.

Лена не стала ничего говорить. Только промелькнула странная мысль, можно подумать, будто и хорошо, что тот человек «ушел». Хотя было ясно, что на самом деле Ольга Сергеевна просто пыталась найти положительные стороны в сложившемся порядке вещей.

Остаток рабочего дня был тих и спокоен. Лена устала от тяжелых размышлений и сильно не выспалась, потому она вернулась за свой стол, и, изображая поглощенное чтение какой-то бумаги, тихонько задремала.

Когда закончился рабочий день, она вышла из офиса вместе с остальными коллегами. И обнаружила, что ее встречают с цветами. На этот раз он был в костюме песочного цвета. Пиджак расстегнут, под ним видна светло-бежевая рубашка, терракотовый галстук и ремень того же цвета. Пусть он был невысок, и его лицо все так же было словно присыпано молотым перцем, но выглядел эффектно. А еще он держал в руках букет восхитительно огромных кремовых роз. Лена остано-

вилась в дверях, ловя на себе завистливые взгляды Светы с Наташей и понимающий взгляд Ольги Сергеевны. Хотелось этим букетом хлестнуть его по лицу. Но сначала стало интересно, насколько велика его предусмотрительность, не купил ли он роз без шипов, а потом подумалось, что уж нежные цветы совершенно не виноваты ни в чем, а они явно пострададут. Она улыбнулась и шагнула вперед.

– Зачем? – спросила она, принимая букет, вдыхая аромат цветов и замечая, что розы были все-таки с шипами.

Он чуть склонил голову и развел руками. Довольные зрелищем коллеги, и женщины, и мужчины, стали расходиться.

– Пойдем? – предложил трубочист.

Лена шагнула вперед. Представила, что все-таки ударит его букетом, а он с этой его предусмотрительностью спокойно все снесет и так и пойдет дальше с царапинами на щеках. Нет, не стоит ради этого калечить цветы.

– Помнишь, ты мечтала, что ты однажды выходишь с работы, а тебя встречают с цветами, и все-все вокруг видят это и немного завидуют? – спокойно спросил он.

– Разве?

Они как раз вышли из подворотни на Крепостную улицу, и девушка ждала, куда он поведет. Он повернул к площади Каменных ворот. Лена пошла следом, мимо открытых магазинчиков, выставленных прямо на тротуары лотков, и улыбающихся горожан. Странно, подумала она, этой фразой, этой рисовкой трубочист ведь все испортил. Никогда нельзя так

выпячивать свои подарки и расхваливать поступки, даже если ты все знаешь наперед. Но сейчас это не задевало девушку. Как будто уже к ней не относилось.

– Да, – кивнул трубочист. – Мечтала.

– Не помню, – пожала плечами Лена. – Но ты зачем это сделал?

– Ты ведь уже знаешь, что между нами ничего не будет, – проговорил он.

Лена нахмурилась.

– Тебе было просто приятно, что я тебя встретил и подарил цветы. Просто приятно и все, ты не ждала большего, и это ощущение не будет испорчено дальнейшим разочарованием.

– Ты только ради этого все сделал, да? Только чтобы поучить меня?

– Нет, – он покачал головой и вполголоса добавил, – чтобы ты улыбнулась.

Она замолчала, и до самой площади ничего не говорила. Только молча смотрела на кипящую жизнью улицу и ловила на себе доброжелательные взгляды прохожих. На площади он повернул к Императорскому проспекту, и пошел мимо огромного здания библиотеки. Это было большое тяжеловесное здание, щедро украшенное вычурной лепниной и архитектурными излишествами.

– А ты не знаешь? – спросила она. – Зачем такому маленькому городу такая большая библиотека?

Он усмехнулся, глядя под ноги:

– Еще не устала от того, что под каждым камнем этого города скрывается история?

– А расскажи.

– Когда королевство вошло в состав Империи, и последнему королю разрешили выбрать для почетной резиденции любой город, он выбрал этот. Король был бездетен и немолод, посему решил, что вся его немалая библиотека будет подарена городу, и на свои деньги он построил под нее большое красивое здание. Никогда там не была?

Лена покачала головой.

– Там можно читать книгу в пустом зале в полном одиночестве. Некоторые книги просто требуют такого отношения.

– Например?

Трубочист покачал головой и не ответил. Они прошли через сквер мимо претенциозной громады кинотеатра «Бастион» и вышли на Императорский проспект, помпезную улицу с большими щедро украшенными домами, дорогими ресторанами и магазинами. Лене показалось, что этот проспект слишком дорог для такого небольшого и тихого города.

– И с этим рестораном тоже связана какая-то история? – спросила Лена. – Хотя погоди, это «Белая чайка», эту историю я уже знаю. А вон с тем, «Мещанским»?

– Конечно, – улыбнулся он. – Какая-то история есть всегда. Люди и их мечты. Часто мечта губит человека. Он не слышит радости, когда она сбывается, потому что ждет, что

случится еще что-то. И в этом ожидании теряет все. Вместо счастья его постигает разочарование.

– И боль...

– И боль. Потому что нельзя от мечты требовать. Если сбылась одна ее часть, это еще не значит, что сбудется и другая. Надо просто жить с тем, что есть, радоваться тому, что сбылось, и не обижаться на то, что не случилось.

Лена поняла, о чем он говорит. Действительно, сегодня она просто получила удовольствие, когда ее встретили, большего она не ждала. Она слишком утомилась за этот долгий день, чтобы отвечать и думать.

– Можешь ничего не говорить, – сказал трубочист, легко коснувшись ее плеча. – Ты ведь очень устала. Давай просто погуляем. Хочешь, зайдем куда-нибудь перекусить?

Девушка покачала головой:

– Не стоит. У меня дома все есть.

– Это здорово, когда дома все есть, не так ли?

– Да, – кивнула она. – И здорово, когда это больше чем игра слов.

Дальше они шли молча и просто гуляли. Лене было приятно идти рядом с ним, чувствовать аромат роз. Слушать его молчание и молчать самой. Они шли мимо бутиков «Hugo Boss» и «Versacce», мимо салонов «Audi» и «BMW», слишком дорогих для этого города, мимо магазинов бытовой техники вроде «Домашней электроники», слишком дешевых для этой улицы. В этом проспекте было что-то от столицы,

хотя и совсем другой столицы, нежели та, к которой она привыкла. А потом они свернули на тихую, обсаженную каштанами Южноморскую и пошли к серой стене Павловского бастиона. Шум проспекта остался позади, за широкими листьями каштанов.

– Вот здесь, – сказал трубочист, показывая на маленькую неприметную дверь с надписью «Лишние книги», – очень неплохой букинистический магазин. Продают необычные экземпляры.

Лена усмехнулась:

– В этом городе есть хоть что-то обычное?

Трубочист пожал плечами:

– Обычного кругом полно. Все зависит от точки отсчета. Вот, например, букинист в этом магазине похож на нормального, чего не скажешь о его книгах.

– Советуешь зайти? – спросила девушка и оглянулась – возвращаться не хотелось.

Он покачал головой:

– Обязательно. Но потом. Книгу ты должна выбрать одна.

– Не думаю, что сейчас у меня будет время для книг.

– А ее не обязательно читать. Главное, чтобы она у тебя была.

«Забавная концепция» – подумала Лена, но вслух ничего не сказала. Они вышли на полупустой Флотский проспект и повернули налево, к стилизованному под замок с башенками и бойницами зданию завода «Элика».

– Это здесь делают эти... «Старый Замок», «Маяковскую»?

– Да, – кивнул трубочист, и, прижмурившись, взглянул на высокие кровли. – «Северную Гавань», «Белую Чайку».

– «Белую Чайку», – повторила Лена и замолчала.

Сразу за зданием завода на пересечении с Мещанской зеленел сквер, очень тихий и уютный с липами, ивами и несколькими скамейками. И очень странным памятником. Это была фигура невысокого сутулого старика в кургузом пиджаке с тросточкой, высеченная из серого гранита. Лене нравился этот скверик, но вот эта фигура настораживала.

Они перешли через дорогу, и девушка остановилась перед скульптурой. Теперь, когда рядом был трубочист, незнакомый старик не казался таким странным и пугающим.

– Кто он?

– Еще одна маленькая история, – улыбнулся трубочист. – В свое время, когда Федоров был генерал-губернатором...

– Федоров, это в честь которого площадь?

– Площадь, на которой стоит памятник ему, и улица. Так вот, когда по нынешней Южноморской проходили стены крепости к Императорскому бастиону, а генерал Федоров был губернатором, здесь у стен крепости был небольшой парк. Федоров любил сюда приходить. Иногда в парке прогуливался и этот старик. Просто старик, никто не знает, чем он занимался. Они разговаривали с генералом, незнакомому человеку порой легче рассказать о своих бедах. Частенько

старик давал дельные советы. Вот, в благодарность ему, Федоров приказал поставить эту фигуру.

– Так давно?

– Да.

– Странно. В те времена вроде ставили памятники только императорам?

– Видимо поэтому к «Старику» водят туристов.

Трубочист подошел к скульптуре и остановился напротив. Так и застыл. Казалось, что два человека, молодой и старый, в сером сюртуке и песочном костюме смотрят друг на друга и думают. Теперь, после рассказа, памятник не казался Лене зловещим, а напротив, очень живым и милым. Пожалуй, человеку с таким лицом и она рассказала бы о своих проблемах.

– Пойдем? – позвал трубочист.

Лена кивнула.

Они прошли еще два квартала, и вышли на Монастырский бульвар. Взошли на горбатый кованый мостик через ров, и трубочист остановился. Лена это не сразу заметила, прошла еще несколько шагов.

– Тебе пора домой, – сказал ей вслед трубочист.

Лена остановилась и обернулась.

– Почему?

– Пришло время. Просто пришло время.

Она наклонила голову и подошла к перилам. Он опять угадал ее мысли. Ощущение того, что пора возвращаться, не по-

кидало всю вторую половину дня. Ей хотелось увидеть маму и свою квартиру. Сесть за свой стол, и выпить чаю на своей кухне. Когда трубочист сказал об этом, Лена осознала, что захотела вернуться уже после разговора с Ольгой Сергеевной. Она посмотрела в прищуренные глаза трубочиста, а потом на розы.

– Если ты это знал, зачем подарил цветы? С собой я их не заберу, а ставить их у дяди нет никакого смысла.

– У тебя есть несколько прекрасных возможностей. Можешь бросать лепестки в воду, как любила делать твоя мама, – улыбнулся он. – А еще ты можешь оставить их на перилах мостика. Это будет красиво. Наконец, кинуть в воду. Тоже неплохо получится. Вода унесет их в океан, и кто знает, где в итоге останется этот букет?

– Захватывающие перспективы, – усмехнулась Лена.

– Еще какие...

Трубочист молча стоял и смотрел на нее, сунув руки в карманы. Щурился. Было ясно, что дальше она пойдет одна. На самом деле Лене и не хотелось, чтобы он ее провожал. Это, и правда, было не нужно.

– Тогда пока? – спросила девушка.

– Пожалуй, да. Хотя постой. Вот, – он вынул что-то из кармана и подошел, протягивая ей руку, – возьми. Говорят, приносит счастье.

Она взглянула в его ладонь. Латунная пуговица. Пуговица с сюртука трубочиста.

– Но я слышала, что пуговицу трубочиста нужно обязательно найти самой?

– Вот ты и нашла – у меня в ладони.

– Спасибо, – сказала Лена, принимая подарок.

Он шагнул назад и опять замолчал, глядя на девушку.

– Теперь пока? – опять спросила она.

– Теперь да.

– Прощай?

– Прощай.

Трубочист развернулся и легко зашагал к проспекту. Девушка посмотрела вслед, а потом выше, на высокие кровли домов, на флюгера над ними.

Лена улыбнулась, опустила глаза. Ну вот, теперь надо решить, что делать с цветами. Оставить на перилах? Или бросить в воду? Это действительно может быть красиво: кованая ограда над каналом и букет цветов, лежащий сверху. Девушка вытащила цветы из обертки, и положила их на перила. Отступила на шаг, придирчиво оглядела, подправила и только потом пошла прочь, начиная дорогу к дому.

Когда Лена за ужином сообщила дяде, что решила уехать, он отнесся к этому совершенно спокойно, как будто ждал именно таких слов. Только сказал, что на работу идти совершенно необязательно, лучше выспаться и ехать на вокзал, чтобы сесть на дневной проходной поезд. А ключи Лена пусть оставит себе, мало ли когда еще захочется приехать.

Девушке было очень неудобно, ведь она пообещала работать у него, а спустя всего четыре дня говорит, что уезжает... Он же заверял, что ничего страшного, все так и должно быть.

– Когда ты приехала, я понял, что ты просто решила сменить обстановку и подумать, – дядя говорил это спокойно и ровно, глядя куда-то в сторону. – Ты сказала, что хочешь поработать, и я решил, что это самое малое, что я могу сделать, чтобы помочь тебе. Если тебе нужно работать, значит тебе это нужно.

– Но я же вам обещала...

– Ничего страшного. Хочу верить, что когда-нибудь ты все-таки приедешь сюда всерьез и надолго. Вот тогда и сдержишь свое обещание. Всему свое время.

Лена неуверенно покачала головой.

Тем не менее, когда она вошла в свою комнату, ощущение, что принято верное решение, лишь окрепло. Она подошла к столу и положила пуговицу рядом с очками. Завтра Лена заберет пуговицу с собой, а очки останутся здесь, но сейчас пусть они полежат вместе.

Она разделась и легла в кровать. Сразу уснула.

Проснулась Лена поздно и сразу захотела кофе. Она помнила, что видела на кухне среди прочей техники кофе-машину. А в шкафу нераспечатанный пакет кофе. Шлепая босыми ногами, Лена прошла на кухню, насыпала зерен в машину. Предвкушая ароматный эспрессо, включила чудо-агре-

гат. Однако тот как-то неуверенно мигнул, и высветил на индикаторной панели нечто непредставимое. Лена задумалась, еще раз попробовала донести до машины свои требования, но из второй попытки ничего не вышло. Девушка озадаченно прошлась по кухне, внимательно оглядывая другие аппараты. Она смогла предположить каково назначение некоторых из них и попробовала включить. Бесполезно. Не работал даже тостер. В нем она обнаружила какую-то подозрительную массу, отдаленно напоминающую сыр.

Лена помнила, что все это в свое время покупала и использовала тетя, и что несколько лет вся техника стояла без работы. Но отчего же? Стоило об этом задуматься, как тотчас же вспомнилась домработница Нина, так и оставшаяся незнакомой. Девушка ясно представила, как деятельная женщина с огромным интересом ходила вокруг того или иного агрегата, пыталась понять, для чего он служит, и заставить его работать. Шансы угадать были невелики, так что, когда аппарат ломался, она ставила его на место, и продолжала старательно стирать с него пыль.

Лена улыбнулась. Значит, чай, подумала она. Предназначение чайника достаточно очевидно, чтобы можно было сломать его по незнанию, видимо, это и спасло его от любопытной исследовательницы.

Девушка очень тщательно собралась, проверила, не забыла ли чего-то из своих вещей, взяла ли пуговицу и оставила

ли проволочные очки, а потом вышла на улицу, тщательно заперев дверь. До поезда оставалось еще два часа, и Лена не смогла отказать себе в удовольствии прогуляться по городу.

На этот раз не было никаких мыслей, никаких тревог и беспокойств. Было просто приятно идти по улице, с каждым шагом еще немного приближаясь к дому.

Она немного постояла на Старой площади, дождалась четверти часа, когда из ворот над Львиными Курантами выехал пустой трон Львицы, а затем, гордо вышагивая, появилась маленькая Львенка. Старательно оглядевшись, она вспрыгнула на трон, и необыкновенно довольная собой уехала в левые ворота. Было бы замечательно, подумала девушка, дожидаться целого часа, когда Львица обнаружит дочь на неподобающем месте и примерно накажет. Особенно Лене нравилось, что после порки, обнаружив в своих лапах совершенно расстроенную Львенку, Львица переворачивала ее и лизала в нос. Однако, толкаться среди многочисленных туристов совершенно не хотелось, и девушка продолжила свою прощальную прогулку.

По Марьиной улице Лена вышла на Медный рынок. Постояла, разглядывая украшенную каменной резьбой готическую Проезжую башню с островерхой четырехскатной крышей, и, пройдя под ее крестовыми сводами, оказалась на Морской набережной. Отсюда хорошо была видна сосновая горка и маяк, на берегу залива.

В неожиданном осеннем солнце, беленая башня маяка осле-

питательно сверкала, и желание отправиться в дорогу стало столь сильно, что захотелось поехать домой по шоссе. Поймать машину или дождаться автобуса и смотреть за окно на пролетающие мимо сосны. Впрочем, это была очень кратковременная мысль. Лена даже не стала всерьез ее думать.

Девушка развернулась, и вспомнила еще одну нежно любимую особенность города – его дворики. Лена свернула в ближайшую подворотню, и была щедро вознаграждена. С детства ее умиляло все: и аккуратные клумбы посреди дворов, и цветы в горшках на подоконниках. Заботливость, с которой всегда были сооружены качели или песочницы. Развешанное на веревках белье, которое никто не охранял, и игрушки, оставленные в песке, которые никто и не думал забирать домой. В этих двориках всегда царило домашнее умиротворение, спокойствие и защищенность. Все беды и тревоги, вся суета оставалась на улице, а здесь ее посещало ощущение застывшего в момент тихого счастья времени.

Лена прошла к песочнице и села на скамейку. Она сидела, улыбалась и корила себя, что совсем позабыла о двориках. Вспомнила только сейчас, когда уже пора уезжать.

Посидев еще немного, девушка поднялась. Пора.

Лена пересекла Флотский проспект и ступила на тенистую Южноморскую улицу. Здесь находилась та самая лавка букиниста, в которую ей советовали зайти. Что ж, время еще есть. Девушка остановилась у маленькой двери под неприметной вывеской, и потянула толстую ручку на себя. Она ожидала,

что магазин будет закрыт. На обед или хотя бы на учет. Но дверь открылась, она шагнула в полумрак между книжными полками, и сразу тоненько звякнул колокольчик над входом.

Букинист обнаружился чуть дальше, он сидел за книжным шкафом у антикварного секретера, смотрел на нее и улыбался. Это был невысокий немолодой человек, в коричневых потертых штанах, клетчатой рубашке и вязаном жилете.

– Здравствуйте, девушка, – сообщил он, прищурив глаза.

Странно, подумала Лена, на нем ведь непременно должны быть очки, но их нет. Она даже мысленно примерила к нему сделанные трубочистом очки из скрепок и решила, что они и впрямь подошли бы. Однако букинист даже в полумраке своего тесного магазинчика прекрасно обходился без них.

– Добрый день, – ответила Лена.

Он чуть склонил голову, продолжая на нее смотреть, а девушка не знала, что сказать еще. Она сюда зашла по рекомендации, а не потому, что ей действительно была нужна книга.

– Не знаете, что теперь делать, да? – спросил букинист.

Лена пожалала плечами.

– Просто найдите свою книгу, – сказал он и махнул рукой вглубь помещения.

– Свою? – удивилась девушка.

– Именно. Вашу!

– Но как?

– Очень просто. Из всех книг вы заметите только одну. Проходите и смотрите.

– Но я не собиралась сейчас читать никаких книг!

Он покачал головой:

– Ее совершенно необязательно читать. Главное – чтобы она у вас была!

Заинтригованная Лена пошла дальше по проходу. Она смотрела на забитые книгами стеллажи и удивлялась странным словам – вот же, множество книг с тиснеными на корешках названиями, в кожаных переплетах и картонных обложках, отчего он говорил про одну? А потом Лена вдруг увидела ее. Эта книга была в мягком светлом переплете и действительно выделялась среди своих коричневато-красноватых соседей. Несмотря на полумрак, девушка легко прочитала надпись на корешке: «Эдельвейсы на черепичных крышах». На обложке был нарисован силуэт высоких крыш, с трубами и флюгерами, словно парящими над землей, и название. Больше ничего, ни издательства, ни имени автора.

Лена заглянула под обложку, но и на титульном листе обнаружилось только название. Девушка наугад открыла книгу и пробежала глазами страницу.

«– Как ты думаешь? – спросила она.

– Обычно я думаю сидя, положив подбородок на кулак левой руки. Нет, погоди, все-таки правой! Правой руки! – ответил он.

Она раздраженно махнула рукой и прошла по гостиной, лавируя между вычурной мебелью с гнутыми ножками. «С ним совершенно невозможно разговаривать!»: подумала

она.

«Она совершенно не хочет разговаривать», – подумал он».

«Какая странная книга!» – решила Лена. Видно, ее действительно не нужно читать. Тем не менее, она взяла книгу с собой и вернулась к продавцу.

– Сколько я вам должна? – спросила девушка.

Букинист внимательно оглядел ее, и проговорил:

– Ничего. Вы уже заплатили за эту книгу.

– Это как?

– Не задавайте вопросов, ответы на которые вам либо ничего не дадут, либо останутся непонятны, – попросил продавец, а потом добавил. – Впрочем, если вы так уж хотите отдать за нее деньги, можете достать из кошелька самую крупную монету.

Букинист задумался и посетовал:

– Не переносу бумажных денег.

«Все чудесатее и чудесатее»: подумала Лена и открыла кошелек, расставаться с книгой уже не хотелось, и она мысленно пожелала, чтобы в кошельке оказалась монета покрупнее, рублей в десять. Таких монет оказалось целых две. Девушка выложила обе на секретер и отступила на шаг, довольная собой. Однако букинист не на шутку рассердился:

– Нет, нет! – заговорил он. – Только одну, одну монету, прошу вас! Я не могу брать вторую, а вы не можете мне ее давать! Сейчас же заберите! Заберите ее, или поставьте кни-

гу на полку, и тогда оставляйте свои деньги сколько угодно!

Что ж, подумала Лена, если он так хочет, это его право.

– Извините, – пробормотала она и забрала монету.

– Вот, так-то лучше, – смягчился продавец и снова улыбнулся. – Большое спасибо, что заглянули.

Лена тоже не смогла сдержать улыбки:

– И вам спасибо! Всего хорошего!

– Всего доброго, девушка, – согласился букинист и склонился к секретеру.

Она вышла из магазина и продолжила путь. Пересекла Императорский проспект и вскоре оказалась перед бастионом Панцербург. Отсюда можно было свернуть к вокзалу, но, посмотрев на громаду темных гранитных стен, девушка поняла, что вновь хочет увидеть город с бастиона. Она поднялась по лестнице и оглянулась. Как и три дня назад весь город предстал перед ее глазами морем красных высоких крыш, лесом печных труб и флюгеров. Сверкали в ярких лучах купола Никольского собора, темнели шпили костела и Трех крестов, отблескивали золотом куранты на башне Старой Ратуши. Лене даже показалось, что она слышит, как колокола отбивают очередной час. Желтела листва деревьев над Монастырским бульваром. И захотелось вновь побывать под деревьями набережной и на мостиках бульвара, как будто и не было долгой прогулки по городу. Лена вздохнула. Все-таки пора уезжать из этого милого приморского городка. Она развернулась и через двор галереи вышла к лестнице.

Лена зашла в кассы и взяла билет, а потом направилась к Сафьяновскому пассажи. Надо было купить «Северной гавани» для отца и сибировских конфет для мамы. Лена пожалела, что самого ценного – пралине и марципанов из карамельной мастерской или кнутссеновского пива увезти не в состоянии. Впрочем, все-таки взяла для себя небольшую бутылку «Старого Замка».

Лена вышла из магазина, перешла площадь и оглянулась. Теперь все. Пора. Она прошла вдоль здания вокзала, перешагнула через низенькую бетонную оградку и оказалась на перроне. На жестяном навесе над платформой сидела серая чайка. Увидев девушку, птица пронзительно крикнула, поднялась в воздух и полетела куда-то вдоль железнодорожных путей.

Спустя полтора года, в мае, Лена снова оказалась в этом городе. Она приехала без цели, просто потому, что вновь захотелось побывать на узких улицах и послушать, как волны бьются в камни набережной под старой городской стеной. Хотелось выпить кнутссеновского пива, и еще раз попробовать замечательных ореховых пирожных в карамельной мастерской. За эти полтора года произошло много всего, и плохого, и хорошего, но ни то, ни другое сейчас не имело значения.

Лена зашла к дяде, оставила у него вещи и выпила чаю.

Он не демонстрировал бурной радости, но было видно, что приезд племянницы ему приятен. Они немного поговорили, девушка передала ему приветы и гостинец от мамы. Дядя улыбнулся, повертев бесполезную вязаную шапочку.

Потом он отправился к камину, а Лена зашла в комнату и достала из сумки камешек. Этот камень она подобрала на одном из южных пляжей. Это был необычный пляж: по странной традиции каждый приезжий старался оставить на одном из его камешков рисунок. Среди прочих ей попалась галька, на которой была нарисована девушка, сидящая на скале подогнув колени. Тогда Лена решила, что обязательно привезет этот камень сюда. Она положила его в карман джинсов и вышла из дома.

Выйдя из подъезда, Лена повернула налево и пошла к набережной, к Южному валу. Было уже около десяти, и солнце клонилось к закату. Она дошла до места, где набережная кончалась, и устроенные в стене города дома стояли прямо на берегу, над волнами прибоя. Здесь сидел пес с висячими кудлатыми ушами и глядел на море.

Лена встала рядом с псом, и тоже стала смотреть на море. Дул легкий, очень теплый ветер, гоняя по воде рябь, и солнце, так же как полтора года назад, подкрашивало розовым башню маяка над песчаным обрывом.

Она стояла так до тех пор, пока солнце не скрылось над горизонтом, и к небу не вернулась глубокая синева. Тогда она достала из кармана камешек и, широко размахнувшись,

кинула его в воду. Пес повернул лобастую голову и поглядел девушке в глаза, протяжно и очень внимательно. А потом встал и потрусил в сторону улицы Медников.

Лена сунула руки в карманы, еще раз посмотрела на воду, и тоже пошла прочь.

Она вышла к Старой площади, и поглядела часы над ратушей, зашла в крохотный кабачок в полуподвале старинного здания с низкими сводами и темной деревянной мебелью. Немного посидела, а потом еще долго гуляла по кривым улочкам Старого города.

Уже совсем стемнело, когда Лена оказалась на неизвестной улице без тротуаров, со стоящими прямо посреди проезжей части фонарями. Она медленно поднималась вверх, и вдруг обнаружила, что свет одного из фонарей не ровный, а мерцающий.

Девушка остановилась, внимательно глядя на бьющийся за мутноватым стеклом язычок пламени, и ей вдруг стало удивительно тепло.

– Все-таки всегда должен быть живой огонек, – услышала она сзади хриловатый голос. – Чтобы в темноте ночи, мы шли и видели, что кроме нас есть еще что-то. Маленький живой и теплый язычок пламени. Не правда ли?

Лена подняла голову и увидела молодого мужчину. Она улыбнулась в ответ и сказала:

– Тут неподалеку есть замечательное кафе. Пойдем?

Она ничего не ждала от этой встречи, и ничего не тре-

бовала. Было совершенно неважно, как закончится это знакомство и закончится ли оно вообще. Имело значение лишь то, что они шли рядом по улочке без тротуаров, мимо разноцветных узких фасадов, а за их спиной горел, бросая мерцающие отблески на стены домов, язычок живого пламени.

Использование произведения в целом или отдельных его частей допускается только с письменного согласия автора.

Фомин Егор

e-mail: fomc@inbox.ru